

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Много веков в России
скрывается компромат на
высших представителей
католической церкви.

Страшная тайна
зашифрована в картине
провинциального художника.

Многие готовы на все,
чтобы этот секрет не был
обнародован....

Елена АРСЕНЬЕВА

Компромат на Ватикан

Елена Арсеньевна Арсеньева

Компромат на Ватикан

Серия «Артефакт-детектив»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19209073

Елена Арсеньева. Компромат на Ватикан: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-87753-9

Аннотация

В конце 1789 года из поездки в Италию внебрачный сын помещика Ромадина, художник Федор, привез не только беременную жену, красавицу Антонеллу, но и страшную тайну. По их следу были пущены ищейки кардинала Фарнезе, который считал делом чести ни в каком виде не допустить разглашения секретной позорной информации... Приехав во Францию на конгресс фантастов, переводчица Тоня мечтала спокойно отдохнуть и ознакомиться с местными достопримечательностями. Однако в Музее изящных искусств Нанта ей с трудом удалось спастись от нападения человека в черном, которого она потом встретила в аэропорту Парижа. А по возвращении домой странные события посыпались на Тоню как из рога изобилия, и все они сопровождались появлением карты из колоды Таро с изображением отвратительной папессы Иоанны...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

95

Елена Арсеньева

Компромат на Ватикан

© Арсеньева Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Предки оставляют в наследство потомкам не
мудрость свою, но только страсти.*

Монтескье

***Россия, Нижегородская губерния, село Красивое, 1780
год***

А вот сейчас ка-ак наскочить сзади да ка-ак хватить его по башке, чтоб треснула, будто тыква!»

Илья Петрович, задыхаясь, мчался по галерейке. Кровь стучала в ушах, оттого звука своих шагов он не слышал и воображал, что бежит совершенно бесшумно.

«Господи, да неужто и впрямь к ней идет, к Антонелле? Ах же итальянский твой бог! Ах же мать евонная!.. Знал же, с первой минуты знал, что не к добру нам эта пришедшая Антонелла, не к счастью!»

Илья Петрович тяжело перевел дух. Чудилось, никогда в жизни не ощущал он такой тоски, как в эту минуту, когда

внезапно выяснилось: дивные черные очи снохи, увы, насквозь лживы, а каждое слово, произносимое ее обворожительным голосом, не что иное, как змеиный смертоносный яд.

Черт ли сорвал его нынче с постели? Черт ли внушил эту мысль: среди ночи отправиться в дальний флигель, облюбованный сыном под мастерскую, и наконец-то объясниться с Федькою?

Разве нельзя было нагряться туда еще днем и устроить ему головомойку сразу, как только прибежал перепуганный слуга и, запинаясь, путая слова, сообщил барину, что Федор Ильич картину свою, над которой три месяца корпели безвыходно, не кончили, а потому не выйдут нынче ни к обеду торжественному, именинному, ни к ужину: может быть, только завтра появятся.

В первую минуту Илья Петрович даже не поверил своим ушам и оглянулся, чтобы спросить кого-нибудь, верно ли услышал. И сразу встретился взглядом с Антонеллой, которая стояла на полшага сзади, по обыкновению чуть касаясь длинными худыми пальцами своего живота, уже всюду заметного под складками мягкого черного платья.

Пальцы вздрогнули, и темный, печальный взор Антонеллы словно бы тоже вздрогнул, и увидел Илья Петрович жалость в этом взоре, и понял, что сноха жалеет его, а значит, он не ослышался, значит, Федька на самом деле решился так оскорбить отца... при всех...

Вот именно что при всех!

При слуге, который так и застыл, согнувшись в полупоклоне.

При управляющем Карле Иваныче, который стоял с равнодушным выражением своего неопрятного толстогубого лица, силясь сделать вид, будто ничего не слышал.

При скрипаче Филе, который аж руками развел от изумления такой несусветной наглостью своего молочного брата и, понятно, от огорчения: *concerto grosso*¹, на подготовку которого убито столько сил и времени, не состоится...

Может быть, из всей этой массы крепостных актеров, застывших в подобающих мизансцене позах, из всех этих поваров, лакеев, конюхов, сапожников, бело- и златошвеек, горничных девок, судомоек, доильщиц один только Филя – артист по натуре, артист до кончиков ногтей, как он любил себя величать, – был искренне огорчен тем, что грандиозная концертная затея провалилась. Прочие же испытали нескрываемое облегчение, что не придется теперь горло драть, стан ломать и ноги выкорячивать в несусветных плясаниях, придуманных собственнически барином и молодой графиней, которая иным казалась королевной из-за тридцати земель, из сказочного тридцатого царства, а иным – опасной ведьмою.

Илья Петрович снова глянул на Антонеллу и вспомнил, как еще час назад она осипшим от усталости, мягким сво-

¹ Большой концерт (*итал.*).

им голосом со стоическим терпением снова и снова повторяла, как надобно танцевать, то и дело мешая русские, итальянские и французские слова, причем эту мешанину великолепно понимали все, от умненькой Марфуши-белошвейки, танцевавшей в первой паре, до безмозглой Феклухи, топтавшейся за правой кулисой.

Зря старались! Разлюбезный Феденька, который воротился из Италии изрядно помешанным, вовсе спятил с мечтами о каком-то отмищении, кое должно свершиться с помощью его картины...

Зачем, за кого, кому, Христа ради, собирался мстить сын?! Неведомо!

Илья Петрович первые мгновения и сказать ничего не мог – только тряс губами да рвал в мелкие клочки лист, кругом измаранный именинным поздравлением. Потом резко смял клочки, отшвырнул – и двинулся неловкой, заплетающейся походкою к двери...

Днем Илье Петровичу так и не удалось успокоиться, ночью тоже не спалось, не дремалось. Голову ломило. Как бы удар не хватил!..

Маячила перед глазами сегодняшняя суматоха; потом где-то, словно бы на обочине полудремы, прошла Агриппина – любимая, незабываемая, – и впервые осознал Илья Петрович, что у Федькиной матери были такие же черные, прекрасные глаза, как у Антонеллы, и смоляные гладкие волосы

одинаково послушно разбегались по обе стороны ровненького пробора, слагаясь в две тяжелых косы, обрамлявшие голову короною. Федька-то уродился светлоглазым и русоволосым, чуть ли не белобрысым, – диво ли, что зашлось его сердце при виде этой смуглой, таинственной красавицы?..

Илья Петрович вспомнил, как увидел вернувшегося из странствий Федьку об руку со смуглянкою в черной шали и черном плаще, как, услышав признание: «Это жена моя, Антонелла», – бросил с ехидцею: «Ишь-ка, женился! А ведь сколько холостяковал! Я уж думал, не иначе помелом ему ноги обмели, чтоб невесты обходили. Нет же, сыскал себе... Не иначе, поймал ее на графский титул да папенькины богатства? А сказывал ли, кто ты на самом деле есть, мой любимый сын?..»

И внезапно Илья Петрович сообразил, что если, храни Боже, он вдруг нынче же помрет, к примеру, от удара, то Федьке худо придется. Не удосужился ведь граф Ромадин, до сих пор не удосужился... старый дурак! Надо сделать сие важнейшее дело, причем незамедлительно! А потом пойти к Федьке и объясниться с ним. Рассказать, кто он теперь есть, Федор Ромадин!

Илья Петрович вскочил, накинул турецкий парчовый архалук поверх ночной рубахи, и даже феску безотчетно нахлобучил, и уже двинулся к бюро за пером, чернильницей, бумагою, да тут словно сила нечистая его подпихнула, заставив вновь взглянуть в окошко... чтобы заметить фигуру че-

ловека, который пересекал залитую лунным полусветом лужайку, явно направляясь к дому.

Незнакомец двигался быстро, но крадучись, как-то опасно осаживаясь при каждом шаге, и по этой опасливости его, по нервическим движениям головы Илья Петрович мгновенно понял, что человек сей – тать ночной, явившийся с умыслом преступным, разбойным, вражеским.

Но почему такая тишина? Почему молчат собаки?

Илья Петрович рванул створку высокого французского окна и шагнул на галерею, опоясывающую дом по второму этажу, уверенный, что вот-вот услышит яростный, азартный лай сторожевых псов, которых каждую ночь выпускали в парк под барские окна – стеречь могущих быть злоумышленников. И вот такой злоумышленник – не вымышленный какой-то там, не предполагаемый, а во плоти! – подбирается к дому, а сторожа спят, и псы спят, и никто даже не чувствует опасности!

«Засеку кобеля», – холодно подумал Илья Петрович, имея в виду псаря Кирюху, который, конечно же, чесал где-то ночью блуд, забывши про свои обязанности.

Снял со стены один из множества висевших там пистолетов с серебряной чеканной рукоятью – все они были заряжены, потому что временами Илья Петрович любил развлекаться тем, что палил из окон в белый свет, как в копеечку, стращая крепостных людишек, – и вышел на галерейку, кося

глазом вниз, где шевелились кусты: ночной гость проворно взбирался на карниз.

Судя по всему, был он молод и проворен: что-то особенно ловкое, почти звериное ощущалось в каждом его движении – некая вкрадчивая, опасная гибкость.

«Небось не привыкать стать грабительствовать!» – зло подумал Илья Петрович и замер под прикрытием створки, потому что пришлец тоже замер, едва перенеся ногу через перила: он вглядывался в череду окон, словно высматривал именно то, которое надобно. Чудилось, он заранее знает, куда идти, и теперь лишь определяется.

Шея его напряженно вытянулась, непокрытая голова попала в лунный луч, и высветились надменный профиль, тяжелые завитки коротких волос, полные губы. Тотчас же человек пригнулся, перескочил через перила и бесшумно понесся к самому дальнему окну.

Еще только увидев этот чеканный профиль, Илья Петрович понял, зачем и к кому явился незванный гость. Сколько таких вот профилей видел он в альбомах, сплошь исчерканных сыном там, на чужбине! Называются они римскими, профили-то. В Риме они были зарисованы, ухвачены проворным угольком Федора. В Риме, откуда сын вернулся с женой, к окну которой и стремится беззвучной кошачьей поступью этот незнакомец, – ну а ей-то, Антонелле, он знаком, конечно!

«Охальника пришибить, а потаскуху окаянную – на позор,

на правож! – мысленно распорядился Илья Петрович. – Нет, нельзя. Федьке, Федьке-то каково будет узнать, что имя свое дал он Мессалине и Далиле!»

При чем тут Далила, Илья Петрович и сам не смог бы объяснить хорошенько, однако в этот миг ему хотелось назвать сноху как можно более оскорбительным словом.

«В моем доме хахалей принимать? Италианских любовников? Небось этот, с профилем, гнал за Антонеллой из самого Рима, нашел, выследил, вступил в сношения... Сговор, сговор! Федька-то, выходит, на свое счастье, нынче в мастерской остался. На свое счастье, именины сорвал! А коли все сладилось бы, сейчас лежал бы в ее кровати, спал бы с ней, а тут... Вор? Нет, убийца! – Видение окровавленной, разбитой головы сына заставило ноги Ильи Петровича заплестись, он с трудом удержал равновесие. – Сговорено все, конечно, Антонелла сама и псаря подкупила, чтобы не выпустил собак, чтобы не было помехи...»

Илья Петрович, потерявшись от ярости, забыв про пистолет, понесся по галерейке что есть мочи.

Человек, уже почти достигший окон Антонеллы, обернулся, увидел преследователя, но не заметался, не кинулся опрометью к перилам – спастись, а спокойно замер, глядя в набежавшего графа.

– Кто ты? Воровать тут? Как смел? – беспорядочно зачастил Илья Петрович, не слыша сам себя из-за бьющей в виски крови.

И шагов позади себя он не слышал. Только внезапно рвануло что-то в голове, а потом черные, мрачные, с очень белыми белками, глаза незнакомца надвинулись, сделались огромными, впились во взор и душу... вытянули жизнь.

Франция, Париж, наши дни

Нынче аэропорт Шарль де Голль оказался под завязку набит русскими. С утра бушевал над Европой какой-то ураганище; в Лондоне, ходили слухи, вообще чуть ли не стихийное бедствие; Париж зацепило лишь краешком ураганного крыла, но вполне достаточно, чтобы аэропорт закрыли. Как назло, утренние рейсы были почти сплошь московские, и теперь со всех сторон слышалась возмущенная русская речь.

Соотечественники как-то сразу сбились вместе и сообщая осознали, что перспективы у них, мягко говоря, безрадостны. Московские рейсы пока еще только переносили – на час, на полчаса, – однако ураган не собирался заканчиваться. Отменяли один самолет за другим: в Будапешт, Лондон, Киев, Берлин, Стокгольм, Прагу, и нетрудно было предположить, что Москву тоже вскоре закроют.

Тоня открыла сумочку и с тоской заглянула в небольшой карманчик. Там лежал билет на поезд Москва – Нижний Новгород. Число – сегодняшнее, время отправления – 23.55.

Если прямо сейчас объявят регистрацию и посадку, у нее еще останется шанс долететь до Москвы, схватить вещи с багажной ленты, домчаться до аэроэкспресса и успеть на Кур-

ский вокзал, на поезд. Но это вряд ли. Не пахнет ни регистрацией, ни тем паче посадкой. И все идет к тому, что билет пропадет.

Как взбесится Виталий! Это ведь он брал ей билет. Наверняка решит, что бывшая жена сама нарочно подстроила. И задержку рейса, и толчею в аэропорту Шарль де Голль, и сам этот тропический, азиатский ураган в цивилизованных европейских широтах. Ну а если он еще узнает, что она из Нижнего уехала на сутки позже, обманывала, тайком меняла билет, лишь бы хоть денек побыть одной, отдохнуть от беспрестанных, изматывающих бытовых хлопот, расслабиться...

Ну, расслабилась? Куда уж больше! Вот это называется – судьба... Неужели и впрямь все случившееся с ней в Нанте – это закономерный итог последнего вечера в Нижнем, той встречи, такой случайной, такой predetermined, такой безнадежной... так жутко завершившейся!

Да ну, чепуха. Никакой связи быть не может. Это у нее затянувшийся мандраж от пережитого. А у кого бы он не затянулся, интересно знать? Кто на ее месте не озирался бы постоянно, не вздрагивал от резкого слова, не ждал бы ежечасно, ежеминутно беды? Улетая из Шереметьево, она каждое мгновение была готова к тому, что за спиной вот-вот раздастся официальный голос:

– Гражданка Ладейникова, вы задержаны по подозрению в совершении убийства в Нижнем Новгороде!

Самое смешное, что в аэропорту Шарль де Голль к ней

вполне могут подойти и сказать:

– Мадам Ладейникова? Вы задержаны по подозрению в совершении убийства в Нанте. – Или начать полюбезней, все-таки мы не где-нибудь, а во Франции: – Пардон, мадам...

– Пардон, мадам!

Тоня чуть не подскочила от ужаса. Какой-то смуглый, черноокий, жутко красивый мужчина – Италия, Испания? – приветливо улыбаясь, нагнулся, поднял ее валяющийся на полу чемодан, водрузил рядом и, повторив «пардон, мадам!», пошел своей дорогой.

Ах, так он всего лишь ее чемодан уронил?..

– Ничего, – пробормотала Тоня, глядя ему вслед.

Она его где-то видела. Она его откуда-то знает...

И снова подскочила: зазвонил мобильный.

Ну, по телефону еще никого не умудрились арестовать, так что вполне можно ответить. Тем более на дисплее высветился номер бывшего мужа.

– Привет! Слушай, погоди, не говори ничего, я застряла в Париже, тут ураган, аэропорт закрыт, ничего, деньги у меня пока есть, боюсь, не успею к поезду, ты завтра меня не встречай, я сама приеду, не знаю когда, – со страшной скоростью протараторила Тоня, чтобы не дать Виталику вставить хоть слово, и, что характерно, ей это удалось: отключиться успела, не услышав от него ни ползвуха.

Опять же денежки целей будут. Роуминг – штука дорогая!

Тоня убрала телефон в сумку и увидела, что тот смуглый

– Италия, Испания? – поглядывает с явным интересом.

Между прочим, он здорово похож на красавчика Сережу, преподавателя из школы балльных танцев, куда с сентября Тоня водила дочку в детскую секцию и таскалась во взрослую сама, вдруг осознав, что захлопотанная, затурканная, суматошная жизнь ее пройдет просто-таки понапрасну, если она не научится танцевать. Ну да, если тебя обучает такой перл создания, как Сережа...

Девочки, приятельницы Тони по школе, которые пьянели от неземной Сережиной красоты, будто от хорошего шампанского (в школу ходили в основном студентки, все были младше Тони, правда, поначалу затесались было две роскошные дамы постбалзаковского возраста, но одна вскорости бросила ходить, а вторая – нет, все занятия посещала исправно, и злые языки поговаривали, будто она сохнет по Сереже... Ну что же, поскольку дама за два месяца перешла с 52-го размера на 46-й, видать, и впрямь сохла!), – так вот, Сережины тайные поклонницы частенько спорили в раздевалке, итальянская в нем бурлит кровь или испанская.

Да, этот мсье и впрямь чем-то похож на Сережу, хотя черты посуше, поострее. А еще... а еще он жутко напоминает Тоне того самого человека, которого она четыре дня назад видела в Нанте, в Музее изящных искусств.

Au musée des Beaux Arts.

По-русски это Beaux Arts звучит примерно как «боз ар». Или даже «базар»...

Смешно, да? Но ничего смешного не было в том, что в этом самом «базаре» Тоню едва не убили. Она осталась жива только каким-то чудом.

Тот, кто хотел ее убить, был сам убит. Так сказать, поднявший меч от меча и... Но именно этот самый вежливый мсье из аэропорта Шарль де Голль – Италия, Испания? – был вторым в команде убийц, которые покушались в нантском Музее изящных искусств на жизнь Тони Ладейниковой.

Россия, Нижний Новгород, наши дни

Майя не ходит, а летает. Иногда – как стрела. Иногда – как пуля. Иногда – летит и аж вибрирует, будто граната, которая вот-вот разорвется. Здесь и сейчас!

– Де, здра, сег зан пров Серник, еще ув!

Интересно, кто-нибудь понял, что имелось в виду? «Дети, здравствуйте, сегодня занятия проведет Сергей Николаевич, еще увидимся!» Но переводить Майе некогда – она уже усвистела в кабинет директора: значит, граната взорвется именно там.

– Дети, здравствуйте! – говорит Сергей (для малышни – Сергей Николаевич!).

Шаг вправо, шаг влево – поклон. Что-то маловато сегодня народу. Ларисы нет, Егора. И Кати нет. Почему? Опаздывает? Или заболела? Ах да, Антонина ведь, наверное, уже уехала. Катя, значит, не придет. А впрочем, что-то могло и отмениться. Ведь не померещилась же Антонина Сергею по-

завчера в «Пикассо». Танцевала с каким-то вальжным дядечкой в таку-ую обнимку... А дядечка, между прочим, по возрасту ей в отцы годится!

– Разомнемся. Начнем с головы. Раз-два-три-четыре!

Когда они крутят головенками, то похожи на птенцов, впервые высунувшихся из гнезда. А Майя завелась, наверное, потому, что снова какие-то проблемы с залами. Что-то такое Сергей слышал в раздевалке, когда брал ключи: опять выставка в Доме культуры, и даже не «мехов России» или каких-нибудь там рептилий (к этому уже привыкли, терпеливо теснились в маленьких залах, привычно ломали расписание), а якобы выставка картин. Вернее, одной картины.

Чепуха какая-то!

– Теперь упражнение на ножки. Носок-каблук, носок-каблук. Выше, выше ножки поднимаем! Так, хорошо. Ковырялочка вправо. Носок-каблук!

Что ж там за картина должна быть такая, если ради нее отдают весь большой зал Дома культуры?! Имеется же городской выставочный зал, музеи...

О, Егор примчался.

– Здравствуй, здравствуй, Егорушка. Становись на свое место, начинай. Делаем ковырялочку влево!

Пацаны будто в футбол играют, а не выставляют ноги. Хотя, если посмотреть на них сейчас и сравнить с тем, что было два месяца назад, налицо колоссальный прогресс!

– Перестроились на латиноамериканскую программу. Да,

Алик, не пришла Катя, ты сегодня без пары. Но ничего, иди сюда, будешь со мной танцевать. Ребята, какая должна быть стойка? Пяточки вместе, носки в стороны, животы подтянули, хвостики подобрали!

При этих словах мальцы оборачиваются и смотрят себе на попки, как бы проверяют: а не выросли ли там на самом деле хвостики, если Сергей Николаевич и Майя Андреевна так упорно твердят про них на каждом занятии?

Сергей посмотрел поверх детских голов на свое отражение. Классная это штука – зеркальный зал. Жаль, что нельзя все время заниматься только здесь.

Отлично смотришься, Сергей Николаевич! Хотя джинсы не вредно бы новые купить...

– Сначала без музыки. Колени мягкие, мальчики с правой ноги вперед, девочки с левой назад. И-р-раз!.. Теперь девочки вперед. Назад! По-во-рот! Егор, ты куда так несешься? Партнерша не должна за тобой по всему залу бегать. Подтянулись, теперь под музыку в полритма! И-р-раз!

– Ну что, все нормально? Занимаемся? Егор, ты путаешься! Оля, ты путаешься! – Это влетела Майя – и с места в карьер взялась за работу: – Танцуем, танцуем! Слушаем музыку!

– Ну что там? – попытался Сергей прорваться сквозь ожесточение, которым Майя так и брызгала.

Обожаемая наставница раздула ноздри:

– Опять придется расписание кроить. С детьми как-ни-

будь уместимся в 102-й, а взрослых – на две группы. Сможешь в воскресенье два часа позаниматься? Индивидуалки у тебя не будет, Антонина уехала, а больше никто не изъявлял...

– Интересно, удастся ей там потанцевать? Хорошо бы, да? Зря я ее учил, что ли?

– Приедет – расскажет. Теперь вспомним ча-ча-ча. Давайте сначала без музыки: ча-ча раз-два-три!

– А правду говорят, что ради какой-то картины у нас зал забирают?

– Слышал уже этот бред? – Майя резко повернула рыжекудрую голову, точеный профиль заострился от злости. – Якобы событие культурной жизни! Двести лет валялась по подвалам, потом в запасниках пылилась в музее – вдруг все как с печки упали: событие! Ну и выставили бы ее в музее, нет, надо нам жизнь портить. Но, как назло, в музее переэкспозиция или еще что-то там непонятное, городской выставочный зал набит под завязку, а тут как бы уже сговорились с каким-то столичным светилом, что приедет почтить своим присутствием историческое полотно...

– Извините, пожалуйста, можно Кате войти?

Девочка лет шести бежала по залу, кивая русоволосой кудрявой головой направо и налево:

– Здравствуйте! Здравствуйте, дядя Сережа, тетя Майя! Алик, я вот она!

Большой синий бант съехал куда-то за ухо, рожица разве-

селя, светлые ресницы так и порхают над большими серыми глазами.

– Катерина, здравствуй. – Майя мгновенно забыла, что велела называть себя и Сергея только по имени-отчеству: растаяла перед щербатенькой улыбкой, сама разулыбалась безудержно. – Я уж думала, ты не придешь. Кто тебя привел?

– Это наш папа Виталя. Пока мама уехала, я у него живу!

Майя с интересом взглянула на высокого парня с аккуратной рыжеватой бородкой. Каштановые волосы лежат надо лбом красивой мягкой волной... Не слабый мужчина, очень даже не слабый! Дурочка эта Антонина Ладейникова, что бросила такого. С другой стороны, видимо, еще не все рухнуло, если, отправившись в свою сказочную командировку, она оставила дочку с бывшим супругом. Нет, такой мужик недолго в «бывших» проходит, небось дамочки в очереди стоят, чтобы прибрать его к рукам.

Сергей смотрел, как Катя становится на свое привычное место во втором ряду. Ладошка Алика выскользнула из его руки: мальчишка радостно побежал к своей партнерше.

«Вот, значит, ее папа. Тонин муж. Почему я думал, что она не замужем? А Катьку в капусте нашли, что ли? Секундочку... А как насчет вальяжного дяденьки в «Пикассо»? Эх-аай! Знает ли муж о ее походах в злачные местечки? Ну, если и узнает, то уж точно не от меня!»

Отвернулся к плееру, пряча усмешку и слушая, как Майя

болтает с Катиным отцом:

– Нет, Тоня пока не платила за декабрь, но еще рано, вы не беспокойтесь, у нас положено до пятого числа будущего месяца вносить деньги.

– Нет, я сейчас уплачу, это мои заботы – Катино обучение. Где расписаться?

– Сережа, дай чистую ведомость. Вы первый будете. Напишите сами фамилию, пожалуйста. О, у вас другая фамилия, не такая, как у Тони?

– Да, Антонина захотела оставить свою. – В мужском голосе прозвучала обида. – Я – Баранин, она Ладейникова.

– Катерина тоже Ладейникова?

– Да.

– Тогда надо было написать ее фамилию, а то мы запутаемся. Ну ладно, ничего, Сережа, пометь там в скобочках – Катя Ладейникова.

Сергей склонился над подоконником. Ручка плясала в пальцах, буквы получались кривыми. Не заржать бы. Тише, тише!

«Баранин. А жена, значит, была бы – Баранина? Телятина, Баранина, Говядина... кошмар! Как хорошо, что Тоня не стала менять фамилию. А этот, как его там, кажется, не понимает, почему не стала! Ну и дурак!»

– Записал. – Сергей обернулся – и встретил холодноватый, оценивающий взгляд светло-карих глаз. На мгновение стало не по себе – не вслух ли обозвал этого Баранина? По-

шел к ребятишкам, которые сразу почуяли охлаждение к себе педагогов и уже сбились в стайку, радостно загалдели. Пора заняться делом, именно за это, а не за что другое родители денежки платят.

– Катя, я вижу, ты уже все забыла. Ну-ка, дай мне руку. Остальные повторяют. Ча-ча раз, два, три! Встали на бедро, встали на бедро!

Сквозь всплески музыки доносился голос Майи, которая воодушевленно жаловалась новому знакомцу на безобразия, творимые администрацией Дома культуры:

– Опять нас выселяют на некоторое время! Все расписание изломается! Главное дело, я понимаю, было бы хоть серьезное искусство, а то, говорят, какая-то порнуха!

Сергей покосился в зеркало. Почему, интересно, Майя твердит, что с этим гелем на волосах вид у него как у голубого? Чушь. Отлично смотрятся волосы. Такие роковые кудри... И никакой он не голубой при этом, что характерно.

Из дневника Федора Ромадина, 1779 год

9 сентября, Берлин

Город прекрасен – вот первый по выезде из Петербурга, который мне понравился, а все прочие: Рига, Митава, Мемель – дрянь. Батюшкину просьбу побывать в театрах выполнить не смогу: время опер уже прошло, следовательно, и танцоров здешних не увижу.

Ходил по улицам, делая наброски. Женские лица также

оставляют желать лучшего. Право, неужто лишь в России истинное средоточие женской красоты? Сальваторе Андреич, воспитатель мой и сопровождающий, уверяет, что дело именно так и обстоит... за исключением, разумеется, Италии.

5 ноября, Париж

Едва с ума не сошел: вот я и в Париже! Что за многолюдство! Двадцать театров, и все полны. Все улицы, кофейные дома (кабаки по-нашему) полны. Гульбище! Куда ни обернешься, везде кишмя кишит народ. Что за великолепие в Пале-Руаяле: золото, серебро, жемчуг, моды! И все в прельстительном беспорядке. А Лувр, а колоннада оного! О Париж, ты удивителен!

Устресы сегодня поели. Здесь они по две копейки, если на наши деньги считать. Что за дешевизна! И на редкость сытная еда, хотя и употребил я не одну дюжину, как здесь принято, а самое мало две, чтобы расчухать полновкусие.

12 ноября

Вчера видел Вестриса-ломальщика². Боже милосердный, можно ли так ослепить людей! Чистое шарлатанство. Сальваторе Андреич сперва глядел с молитвенным выражением,

² Мари-Жан-Огюст Вестрис – знаменитый французский танцовщик и хореограф. Ломальщиками в России в описываемое время называли балетных танцоров.

а потом вдруг изрек, что наш кучер Егорка не хуже способен сплясать.

Ужаснулся, обнаружив, что альбом мой не пополнился за эти дни ни единым рисунком. Все брожу, рот разинувши, да попусту глазею по сторонам.

Жареные каштаны мне не поглянулись. Спервоначалу налопался от пуза, эх, думаю, сласть какая! Теперь с души воротит, уж и глядеть на них не могу, а ими тут, как назло, на каждом углу торгуют. Стоит жаровня, подле мусью при- тулился, ворошит совочком на жаровне каштаны сии, а они уютненько так потрескивают от нестерпимого жара. Сие потрескивание да запах вкуснейший – вот и все, что есть проку от тех каштанов. Остальное же – тьфу.

13 ноября

Решил взяться за ум, точнее, за работу. Результат вышел самый неожиданный.

Подле Нотр-Дама, делая наброски этого удивительно- го строения (пуще всего заинтересовали меня жуткие ро- жи чудовищ на крыше, химерами называемых), обменялся несколькими словами с другим таким же рисовальщиком. Англичанин, только что из Рима, изрядно говорит по-фран- цузски, и ничего в нем не напоминало о баснословной чо- порности англичан, какими их описывают. Ощущение, что милорд пребывал навеселе.

Признался, что этакое веселящее ощущение произвел на

него именно Рим, в коем, несмотря на l'esprit mordide du Pape – мертвящий папский дух, ежели я верно перевел с французского, – бурлит истинная жизнь, ни с чем не сравнимая. Уверял, что даже папы не чужды этой жизни, и прямо тут же, на площади, поведал мне некие веселые истории, в достоверности коих я сильно сомневаюсь.

Уверял он, к примеру сказать, будто папа Иоанн XXIII был баснословным развратником и обесчестил чуть ли не две сотни жен и девиц разного звания, а также монахинями пользовался бессчетно. Папа Бонифаций VIII соблазнил двух своих племянниц. Папа Пий III являлся не только духовным отцом чуть ли не полдюжины сыновей и дочерей. На ночных балах, которые устраивал Александр VI, шагу негде было шагнуть от куртизанок, привносивших туда свои нравы. Юлий II страдал дурной болезнью...

А далее англичанин поведал мне басню не о ком-нибудь, а о папе-женщине! Вот уж позвольте вам не поверить, мистер. Это в вас небось дух протестантский, завсегда находящийся во вражде с католичеством, буяет! Однако сию историю в свой журналец все же заношу – ибо она курьезная до крайности.

Итак, некая немка Гильберта, переодевшись в мужское платье, умудрилась попасть в высшие католические чины и в конце концов дослужилась до папского звания. В те поры на римском престоле царила полная неразбериха. Пребывала немка в сем звании под именем папы Иоанна почти два с

половиною года и все это время состояла в преступной связи с разными мужчинами. В конце концов сделался Иоанн, сиречь Иоанна сделалась брюхатая. Конечно, сие и в голову никому из ее окружения взбрести не могло – ну, потолстел папа, так ведь с кем не бывает? Однако во время большого молебствия произошли у злополучной Иоанны преждевременные роды, от коих она и померла вскорости. Конфуз, само собой, случился преогромнейший, и аглицкий знакомец мой уверял, хохоча, что с той поры в Ватикане все кандидаты в папы проходили предварительную проверку своего естества.

Ох, умора!

Небось англичанин поведал бы мне еще чего-нибудь столь же скоромного, однако в этот миг словно из-под земли вырос Сальваторе Андреич, заходивший во храм, и нарушил наш приятственный тет-а-тет.

Поглядев на его характерный профиль и черные, хотя и с проседью, волосы, англичанин мигом признал в нем потомка древних римлян и стушевался, ну а мне пришлось как-то нелепо отовратиться, чтобы успокоить своего наставника. Любопытно наблюдать, как по мере приближения к родине своих предков Сальваторе Андреич из веселого повесы все более обращается в благопочтенного католика. Не удивлюсь, ежели узнаю, что он тайком от меня бежит слушать мессу!

16 ноября

Дождь идет, и мы укладываем наконец-то коляску. Про-

щай, Париж, дай бог поскорее добраться до Рима. Что там ждет меня?

Дневник продолжу уже на италийанской земле.

Россия, Нижний Новгород, наши дни

— Здравствуйте, Людмила Михайловна, я вот... Игнатушкин я, лейтенант Игнатушкин Кирилл Иванович, из полиции, я вам звонил.

— Здравствуйте, да.

Невысокий, очень широкоплечий парень неловко затоптался у порога:

— Можно я войду? Надо поговорить.

— Говорите тут.

— Людмила Михайловна, я ведь не просто так появился, я ведь по поводу вчерашнего происшествия. Нас тут всех с мест вздернули, в помощь вашему райотделу дали, чтоб с людьми поработали. Может, неловко в коридоре-то?

— У меня беспорядок, уборка идет.

— Да я же вам не свекровь, Людмила Михайловна, что мне до вашей уборки? А дело серьезное, ну вы подумайте!

— Еще бы не серьезное! Человека убили! Только я ведь, что могла, все уже сказала, еще когда утром вчера приходили. Чего вы-то от меня услышать желаете?

— А то, что вы соседке вашей говорили в лифте.

— Не поняла?..

— Что ж тут понимать, Людмила Михайловна? Насчет де-

вушки.

– Какой девушки? Что за чепуха?

– Вам виднее, Людмила Михайловна, чепуха или нет, а только с вашей стороны безответственно такие заявления посторонним людям делать, а от полиции важную информацию утаивать. Соседке вашей, Ольге Петровне Кочубей, вы заявили, что к вашему покойному соседу Леонтьеву в ночь убийства наведывалась какая-то девушка, вы сами видели их вместе, а потом еще раз видели ее – примерно спустя час, как она бегом убегала и лица на ней не было. Делали вы такое заявление?

– Никакого заявления я не делала. Господи, слова сказать людям нельзя, чтобы не донесли! А ведь у нас как бы демократическое государство.

– Как бы да. Только демократия тут совершенно ни при чем. Просто с вашей стороны такие вещи неосторожно в подъезде говорить. Мало ли кто что мог услышать. Вы ведь получаете у нас на данный момент единственной свидетельницей, которая хоть какой-то свет может пролить на события той ночи. И вместо того чтобы сообщить в полицию... А вдруг эта девушка и есть убийца? А вдруг до нее дойдет, что вы ее видели? Вам не запирайтесь от органов нужно, а сотрудничать с ними!

– Да входите, ради бога, только не думайте, что я испугалась. Просто в доме и правда полный разгром, поэтому извините, дальше прихожей я вас не приглашаю. Не обижайтесь,

вы что, женщин не знаете? Я буду себя неловко чувствовать, принимая вас среди беспорядка.

– Да бросьте вы! Видели бы вы то, что видел я, забыли бы о таких мелочах. В каких только берлогах бывать не приходилось. А у вас вполне прилично. То есть это совершенно такая же квартира, как у Леонтьева, с тем же расположением комнат?

– Ну естественно, он на седьмом этаже, я под ним – на шестом, квартиры одинаковые.

– Та-ак... Но не понимаю, Людмила Михайловна, как же вы все-таки могли ту девушку столь подробно разглядеть? Еще ладно, если бы вы жили на одной площадке с Леонтьевым, а так – сквозь потолок, что ли?

– Да просто лифт у нас выше шестого этажа не поднимается. Все жильцы верхних этажей выходят здесь и топают потихонечку к себе. А у меня дверь, как вы могли заметить, ну прямо в лифт этот поганый упирается. Только и слышишь – дрынь! – остановилась кабина, ви-и-и-и – дверцы открылись. Они так мерзко скрипят! А уж когда в полной тишине, скажем, после полуночи, до мизантропии доходишь. Я как раз по коридору проходила в ванную, когда снова лифт открылся. Глянула в глазок – Леонтьев с девицей. Высокая такая, выше его, вдобавок на каблуках, волосы распущенные, пальтишко фиолетовое в талию. Лица не видела, врать не буду. Он ее под ручку – и повлек к лестнице: извините, говорит, на один этаж придется подняться. Она – ха-ха-ха, ну и что.

Ах ты, думаю, старый блядун... Ох, извините.

– Хм-хм... Ничего страшного. Ну да, ему ведь уже за пятьдесят было, я не ошибаюсь? В самом деле, человек уже немолодой.

– Да вы что? Разве это возраст, тем более для мужчины?! А вот этой девушке было лет тридцать уже, а может, даже и побольше. И на кого-то она была похожа... очень похожа. Только не помню, на кого.

– А вам это откуда известно, вы же сами сказали, что видели ее только со спины!

– Ну да, в первый раз со спины. А потом, когда она убегала и вызывала лифт, я ее очень хорошо разглядела.

– То есть вы опять оказались возле глазка?

– Совершенно верно. Интересно, а что мне было делать, если они своим топотом и звоном мне полночи спать не давали?

– Они? Кто они? Леонтьев с его гостьей?

– Разумеется, а кто еще? У него же европейские манеры, у этого плейбоя, царство ему небесное, он не переобувался, когда в квартиру приходил, так и маршировал в ботинках, ну и гостья его тоже топала на своих копытах, только люстры мои звенели. Потом вроде как утихли – сели, думаю, на диванчик, потому что последний раз стук слышался вон в той комнате, в правом углу, а у Леонтьева там как раз диван стоит. А может, думаю, уже и легли. Потом слышу – нет, потому что он прошел в коридор и на кухню, а через некоторое вре-

мя девушкины каблуки простучали в прихожую. И тут вдруг на балконе – брынь-с!

– На балконе? На каком балконе?!

– Да на его же на балконе, Леонтьева. У него балкон, как в моей квартире, в маленькой комнате, которая рядом с кухней находится.

– То есть он с девушкой вышел на балкон?

– Нет, вряд ли, я бы слышала, если бы он дверь открыл, потому что у него одна створка скребет по полу и у меня сразу такой скрежет по потолку: д-р-р-р-р! Ой, у нас слышимость в доме просто фантастическая, вы не представляете!

– Так что же там происходило, на балконе-то?

– А банки звенели. Банки стеклянные! Недавно у него жила одна... дамочка. И, похоже, очень рассчитывала свить настоящее гнездышко семейное, потому что развела бурную хозяйственную деятельность и начала закупать банки для консервирования. Это было где-то в мае. Потом они расстались, ну, шуганул ее Леонтьев, а банки все эти дурацкие выставил на балкон. И началась для нас, соседей, мука мученическая. Чуть дождь, в эти банки кап-кап-кап! Ветер посильнее – они звяк, звяк, звяк! А стоит кому-нибудь ступить туда – сразу бр-ы-ынь-с!

– Погодите. Что-то я запутался окончательно. Шаги Леонтьева направились на кухню. Девушкины каблуки – в прихожую. То есть она собралась уходить, что ли? А кто тогда звякал на балконе?

– Да вы что, не понимаете? Убийца! Кто же еще? Вот пойдемте на кухню ко мне, я вам все на месте покажу. Ой, только не обращайтесь ни на что внимания, я посуду мою раз в неделю, а то маникюра никакого не наделаешься, если каждый день возиться. И белье у меня неглаженое, утюг сломался, извините. Правда, скоро племянник из командировки придет, я уж порядок наведу, конечно, а то он у меня такой чистюля, прямо ужас какой-то. Ну вот, смотрите... У нас такая конфигурация дома, ну, такой загиб стены, что, если выйти в маленькой комнате на балкон, отлично видно кухню. Леонтьев тут возился, может, чай готовил или бутылку доставал из холодильника, а тот, ну, убийца, спокойно забрался на балкон, вот только банки задел, не рассчитал. Леонтьев, надо полагать, повернулся на шум, а тот протянул руку к форточке и выстрелил в него.

– Вы слышали выстрел?!

– Нет. Врать не буду – не слышала. Наверное, у него оружие было с глушителем. Только что-то тяжелое упало. Ого, думаю, сосед стол опрокинул, что ли? Потом – тук-тук-тук! – каблучки из прихожей простучали. Она, значит, вернулась, увидела, что он лежит. Обежала вокруг него несколько раз, я слышала цокот, потом опять в прихожую. Потом дверь – хлоп! По лестнице – бац-бац-бац, она неслась как сумасшедшая вниз, но около лифта притормозила, и тут-то я и подошла к глазку. И увидела ее лицо...

– Описать сможете?

– Да ничего особенного, уверяю вас, не понимаю, что Леонтьев в ней нашел? Да, лет под тридцать, глаза вроде бы светлые, помада вроде бы цвета цикламена, сильно размазанная – наверное, целовались они с Леонтьевым. Под пальто у нее мелькало черное платье такое коротенькое, блестящее, похоже, вечернее, каблучищи высоченные – понятно, что они стучали так громко. Наверное, Леонтьев ее в кабаке каком-нибудь снял на вечерок, как это теперь принято, хотя не могу сказать, что это явно продажная женщина. Вид скорее интеллигентный, понимаете?

– Понимаю... А если бы вы с ней встретились, узнали бы?

– Даже не знаю. В том-то и дело, что у нее никаких особых примет не было, и не сказать, что какая-то там особенная красота. Она все шарила по карманам, беспрестанно что-то перебирала в сумочке, будто проверяла, не забыла ли чего. Ключи в связке, какой-то блокнотик с длинными листочками, потом паспорт бордовый такой...

– Не заметили, внутренний или заграничный?

– Не поняла. Однако блокнотик длинненький – это знаете, что было? Наверняка авиабилет на самолет! У нас тут соседка часто летает по разным курортам, она показывала мне. Точно! Синенькая обложечка. Надо будет ее спросить, у каких билетов обложечки синенькие, какой авиакомпании. Тогда и ясно будет, куда наша девушка улетела или откуда прилетела.

– Ничего себе... Людмила Михайловна, да вы просто мисс

Марпл какая-то!

– Да вы что?! Ей чуть ли не сто лет было, неужели я так жутко выгляжу?!

– Вы потрясающе выглядите! Я вам так благодарен, просто слов нет. Я сейчас быстренько все ваши показания зафиксирую, вы протокольчик подпишете? Да, вот еще какой вопрос. Балкон мы проверим, это само собой, на предмет следов и отпечатков, однако как туда мог попасть убийца, есть у вас какие-то мысли на сей счет?

– Мысли? А какие тут могут быть мысли? С другого балкона попал.

– Снизу или сверху?

– Снизу – то есть от меня? Спасибо за доверие, однако это исключено, у меня балкон застеклен. А вот наверху, чтоб вы знали, квартира в свободной продаже, в ней никто не живет уже два месяца. И там-то на балконе никакого остекления нет. При известной ловкости...

– Людмила Михайловна, дорогая, вы та-акая помощница! Ведь это получается совершенно другая картина преступления. Мы догадывались о присутствии какой-то женщины у Леонтьева – у него на губах и впрямь остались следы помады, как после поцелуя. Два бокала, две чашки чайные. И мы сначала предполагали, что именно она пошла за ним на кухню и там стреляла – практически в упор.

– А гильзы на балконе? Там же должны были остаться гильзы!

– Не было там никаких гильз. Была только карта на двери, ну, игральная карта пришпилена, но это, наверное, хулиганы какие-нибудь постарались. Так, так, так... выходит, эта девица – либо соучастница, либо свидетельница. Фоторобот поможете нам составить?

– Конечно, помогу. Я вообще изобразительным искусством очень интересуюсь, у меня глаз знаете какой точный?

– Да уж! Но почему же вы все это не рассказали оперативнику, который вас опрашивал?!

– А он меня не опрашивал.

– Как так?!

– А так. Он пришел и говорит: «Женщина, вы что можете показать?» Представляете? Женщина!!! А я не выношу, когда меня так называют. Есть же приличные, цивилизованные обращения: ну, госпожа, ну, гражданка, ну, по имени-отчеству назвал бы, как вы, а то – женщина! И, главное дело, показать ему... Это просто непристойно! Я и отвечаю: «Сожалею, мужчина, но показать вам ничего не могу». Вот и все дела.

Франция, Нант, наше время

Иногда Тоне казалось, будто она спит и видит сон. Особенно когда подходила к шато, то есть замку герцогов Бретани, смотрела на мощные крепостные стены, подернутую ряской воду во рву, окружающем шато аж с XIII века, ощущала на своем лице прикосновение тени огромных древних

платанов и при этом слышала перезвон колоколов, доносившийся от кафедрального собора Петра и Павла... Где-то рядом – в этом чудном, диковинном городе все было почему-то рядом! – бегали по Луаре крошечные хорошенькие пароходики; позвякивали колокольчики на дверях несчетных магазинчиков, каждый из которых был истинной лавкой сокровищ; свистели под мостом немыслимые скоростные поезда, на которых за два часа можно домчаться до самого Парижа; вздымала руку в бессонном благословении святая Анна; в парке неподалеку от Музея естественной истории гвардеец Камборн, прославленный тем, что никогда не сдается, держался за эфес своей обломанной шпаги³; бронзовый, зеленый, безглазый от времени, страшноватый, но при этом неотразимый Бертран Дюгесклен⁴ молчаливо и таинственно терпел круговерть желтых листьев, которые взвивал вокруг него шелестящий ветер с близкой Атлантики. Играла вода в фонтане на Королевской площади... Конечно, это мог быть только сон, пришедший на смену страшной и злой действительности! Прекрасный, необъяснимый сон, от которого совершенно не хочется просыпаться.

Этот сон начался, как ему и полагается, ночью, а точнее, в половине первого, когда Тоня, отчаянно зевая и собира-

³ Генерал Камборн, командовавший дивизией старой наполеоновской гвардии в сражении под Ватерлоо 18 июня 1815 г., сломал свою шпагу в ответ на предложение англичан сдаться в плен, ответив: «Гвардия умирает, но не сдается».

⁴ Один из герцогов Бретани, знаменитый крестоносец, символ французского рыцарства.

ясь исключить явно перетрудившийся компьютер, решила напоследок проверить почту. *Della-Bianka. Privetik* – обозначилось во «Входящих», и Тоня не поверила глазам.

Козимо... Козимо Делла-Бьянка, всегда казавшийся То не больше персонажем какого-нибудь его романа, чем реальным человеком, вдруг выпал из Всемирной паутины, словно карта из колоды! Какими судьбами?

Она торопливо открыла сообщение.

«Antonella, carissima!..

Антонелла, дражайшая!

Вы, наверное, уже забыли о бедном Козимо, который не устает благословлять Ваше прелестное имя? Бесконечно счастлив, что могу сообщить Вам приятное известие. Я приглашен в конце ноября принять участие в Международном фестивале писателей-фантастов, который будет проходить во Франции, в Нанте, в последнюю неделю ноября. Книга моя, вам хорошо известная, имела в этой стране замечательный успех. Приглашают меня не просто в качестве участника, а как одного из почетных гостей, из чего вытекает множество моих привилегий. Например, я могу привести с собою супругу или подругу (друга), причем за счет организателей этого фестиваля. Однако я взял на себя смелость заявить организаторам, что желал бы видеть рядом с собой не супругу, у которой токсикоз третьего месяца беременности, не подругу, которой у меня нет, ибо я человек семейный и почтенный, а прелестную женщину, которой я

обязан своим успехом в мире литературы и вообще в жизни, а именно – вас, Антонелла. Мне ответили: «Нет проблем!» – и, поверьте, их действительно не будет. Приглашение вам уже выслано с экспресс-почтой, надо полагать, получите его завтра-послезавтра, меня уверили, что в Нижнем Новгороде тоже есть отделение DHL. Вам необходимо по получении приглашения связаться с французским посольством и поточнее разузнать, какие документы нужны для визы. Говорят, теперь ее можно оформить в течение одного дня, а впрочем, время еще есть. Билеты получите в московском представительстве «Эр Франс» или в аэропорту перед вылетом. Если все будет хорошо, то 23 ноября мы с вами встретимся в Нанте и я еще раз смогу поблагодарить судьбу за счастливый случай, который некогда поставил Вас на моем пути, carissima!»

Роман Козимо Делла-Бьянка! Фантастический роман, забытый одним итальянским туристом, которого Тоня знакомила с достопримечательностями Нижнего Новгорода (она работала в городском бюро переводов и сотрудничала с несколькими турфирмами)!

Книжка называлась высокопарно и уныло: «Un songo della ragazza profeta» – «Сон вещей девы», и если Тоня взялась ее прочесть, то не из особого какого-то интереса – фантастику она вообще не любила, – а исключительно ради практики в языке.

Однако книжка увлекла ее всерьез.

Брошенная любовником — эгоистичным интеллектуалом, — героиня страдала от разбитого сердца. От глубокой тоски и сексуальной неудовлетворенности у простодушной дурочки Симонетты так обострились умственные способности, что она открыла способ путешествия во времени — и ну шататься по всяким эпохам и странам, пытаясь найти забвение в объятиях самых разных мужчин!

Познания у Козимо Делла-Бьянка в области этнографии и истории оказались богатейшие. Эффект присутствия он умел создавать лихо! У Тони было такое ощущение, будто не героиня романа, а она сама пыталась соблазнить Генриха IV, участвовала в чудачествах Лоренцо Великолепного во Флоренции, была изнасилована во время разгрома римлянами святилища друидов в Британии, сражалась при взятии Палермо гарибальдийской «Тысячей», сидела на балконе Колизея, когда там бились гладиаторы, едва не погибла вместе с затопленной Атлантидой, разгневавшей богов...

В конце концов Симонетта притомилась, сломала машинку для хроноскопков и воротилась в объятия своего ленивого интеллектуала. А Тоня впервые в жизни взялась за перевод художественной прозы, выяснив на собственном опыте, что не боги, нет, не боги обжигают эти самые горшки в мягких обложках, которые во множестве навалены на прилавках книжных магазинов!

Перевод и в самом деле пошел на диво легко, может быть,

потому, что Тоня не особо увлекалась точностью, а как бы пересказывала в собственном, чуть ироничном и резковатом стиле сюжет Козимо.

Уже через две недели работа была закончена. Тоня отправила перевод в одно из самых бойких столичных издательств и, в качестве психотерапии внушая себе, что все это чепуха и толку никакого не будет, принялась ждать результата своей авантюры.

Но что-то, видимо, сместилось там, в звездном небесном узоре! Именно в этот момент издательство задумало выпустить новую серию книг современной зарубежной фантастики, и Тонин труд угодил в десятку. Тираж был невелик, гонорар переводчице оказался чисто символическим, сам Козимо тоже получил какую-то ерунду – моральное удовлетворение было куда более значительным.

Однако история на этом не кончилась. Случилось так, что именно эту книжку от нечего делать купил какой-то француз, профессиональный переводчик с русского и вообще любитель фантастики.

Тоня потом с ним пообщалась. Француз уверял, что итальянский вариант «Сна вещей девы» не произвел на него никакого впечатления, но русский перевод открыл совершенно неведомые грани творчества Делла-Бьянка. Короче говоря, француз перевел Козимо для издательства, в котором сотрудничал, не с языка оригинала, а с Тониного перевода. Почему-то во Франции книжка имела немалый успех и с тех

пор не раз переиздавалась.

Козимо оказался человеком признательным. Он по жизни очень даже не бедствовал, а потому щедро делился с источником своего триумфа гонорарами, завязал с Тоней оживленную переписку, так что вскоре она была в курсе всех его любовных, семейных и творческих дел, и теперь вдруг – новое письмо и эта сказочная, фантастическая поездка в Нант!

К Тониному изумлению, оформление всех документов прошло с баснословной легкостью и быстротой. Оставалось только решить, куда девать на время поездки Катюху.

И тут случилось новое чудо. Виталий, вопреки обыкновению, не заартачился, не начал качать свои бывшие супружеские права, а согласился присмотреть за дочкой и даже поклялся, что дважды в неделю будет водить ее в школу балльных танцев и оплатит уроки. Поскольку Тоне предстояло отсутствовать всего-то десять дней, выходило, что Виталику придется пострадать всего лишь три вечера, – не такой уж тяжкий труд!

Словом, все шло как по маслу, и если бы Тоня не задумала продлить свои богоданные каникулы еще на один день, не обманула Виталия и не потащилась бы в тот вечер в «Пикассо», может быть, ей и не пришлось бы на собственном опыте проверять старинную мудрость: «Смерть всегда за плечами, следит за нами!»

Главное дело, почему это аукнулось в Нанте? Почему

именно там, среди шумного, так сказать, бала, вернее, семинара? Ну невозможно, невозможно же поверить, что за ней гнались от самого Нижнего Новгорода и что *тот человек* (даже в мыслях Тоня не могла назвать Леонтьева как-то иначе, особенно тем словом, которым только и следовало его называть!) оказался всего лишь случайной жертвой, а на самом деле бесшумная, смертельная, внезапная пуля предназначалась именно ей?!

Франция, Париж, наши дни

– Отец мой, я все еще в аэропорту. Пока ничего нового, вылета не дают, ничего не известно.

– Утешься, сын мой. Пути Господни неисповедимы.

– В том смысле, что ураган – тоже промысел Божий? Но тогда что же это значит? Указание вернуться и оставить все, не прикасаясь более к этому мраку? Или всего лишь новое испытание на крестном пути моем?

– А как тебе самому кажется?

– Я... не знаю. Я теперь не уверен... Ведь она ушла от нас дважды – может быть, это тоже некий знак?

– Воля твоя, сын мой, вернуться или продолжить путь. Но первый раз я бы не стал принимать всерьез. Твои люди не могли знать, что она пожелает встретиться с тем человеком. Перед ними стояла совершенно определенная задача: уничтожить этого господина. Они свое дело сделали. Девушка была бы в этом случае всего лишь невинной жертвой, а та-

кого греха на душу они взять не могли. Кто же мог знать, что именно с нее следовало начинать! Тут винить некого. Гораздо более прискорбно то, что случилось, вернее, то, что не случилось в соборе, а потом в музее.

– Я не мог убить ее в соборе! Не мог.

– Джироламо, сын мой...

– Не мог, говорю я вам! Если бы она шаталась с праздным видом туристки, если бы взирала со скучающим выражением, с иронией на великолепие чуждой ей веры, я бы не усомнился. Но она знаете, что сделала? Она опустила монету в ящичек, взяла с подноса свечу и поставила ее перед образом Пресвятой Девы. Она молилась нашей Мадонне! Я видел, как шевелились ее губы. Она смотрела на Мадонну, как на мать, которой рассказывала о своих горестях. И вдруг заиграл орган. Не знаю, почему именно это мгновение выбрал органист для репетиции перед вечерним концертом, однако музыка сломила меня. Мне почудилось, будто Мадонна взяла ее под свое покровительство. А она пошла к алтарю и встала перед ним на колени. Я не мог, я не хотел! Мы не должны были делать это в соборе.

– Сын мой... но ведь все ее действия можно рассматривать и как святотатство, как насмешку над нашей верою – подобную той, которая положила начало всей этой вековой трагедии. И высший символ в том и состоит, чтобы все свершилось именно в кафедральном соборе Петра и Павла, напоминающем тот, который послужил декорацией для...

– Нет, мы не должны были. В том, в чем вы видели высший символ, я увидел тоже символ... но другой. И еще. На пюпитре лежала Библия. Открытая Библия на французском языке. Ее оставил кто-то из молящихся. Она подошла, заглянула в текст – и всплеснула руками. Потом достала из сумки ручку, книжку и начала что-то быстро переписывать. Я не мог удержаться, чтобы не пройти за ее спиной. Знаете, что она писала? «Вам, кто ищет Бога: жизнь и счастье!»

– Ты прошел за ее спиной и заглянул в ее книжку? Ты был так близко... близко, и не... Джироламо!

– Я не мог. Говорю вам, я не смог. Господь и Пресвятая Дева охраняли ее в то мгновение.

– Зато от тебя они отступились! От тебя и от этого недомка Лео, пусть сгноит ад его душу.

– Он умер за вас!

– Не за меня, а...

– Отец мой, простите. Я забылся. Устал, не спал две ночи. Если бы вы видели, что произошло в музее! Я хочу отомстить ей, я хочу...

– Успокойся. Прошу тебя ничего не делать. Дай ей вернуться домой.

– Опять в Россию?! Мне опять лететь в Россию?

– Ты стал бояться этой страны? А между тем вся твоя жизнь связана с нею.

– Да. Недавно я прочел в каком-то журнале, что у европейцев, которые слишком рьяно изучают русский язык, меняется

ся психика. Йотированные гласные звуки, которыми изобилует этот язык, якобы ломают исподволь человека, провоцируя мощный удар по гипофизу, надпочечникам... Простите, отец мой, кажется, передают какую-то новую информацию о рейсе. О нет, вылет опять отложен!

– Сожалею. А она? Ты видишь ее?

– Конечно. Она говорит по телефону. Но тут столько народу, я не могу...

– Очень хорошо. Как говорится, все, что ни делается, делается к лучшему. Ты устроишь два дела сразу. Мы нашли еще одного человека.

– Еще одного?! И где?

– Это очень забавно, но там же, в том же городе. Задача облегчается, не так ли?

– И кто он?

– Пока почти ничего не знаю точно, кажется, какой-то мальчишка. Тебе сообщат на месте.

– Еще один! А вы уверены, что нет никакой ошибки?

– Все бывает. Это и предстоит тебе выяснить. Но наш человек уверяет, что этот мальчик – одно лицо с... тем грехотворцем, с тем исчадием ада. Ты понимаешь, о ком я говорю! Прощай, Джироламо. Позвони, как только что-то прояснится насчет вашего вылета.

– Прощайте, отец мой. Конечно, я позвоню.

Из дневника Федора Ромадина, 1779 год

30 ноября, Рим

Ну вот, достигли земли обетованной! Уж сколько дней не садился за дневник – батюшка недоволен будет. В пути, однако же, не до писаний было: мчались как угорелые. Таково рвались сюда, что почти и не помню пути по Европе. Чрез Тирольские горы словно бы ветром нас перенесло – и ринулись дальше по Италии. Наставник мой всячески поддерживал мое нетерпение, поэтому Верона, Милан, Падуя, Венеция, Феррара, Болонья – все было осмотрено бегло. Во Флоренции пробыли всего лишь часа три – так велико было нетерпение поскорее попасть в Рим.

Попали!

Мудрые люди уверяют нас, что ожидание и мечты всегда лучше сбывшихся надежд, поскольку ни одно мечтание вполне не исполняется. И очень скоро убеждаешься, что оно никак не соответствует тому, чего ты чаял в страстном нетерпении своем. Боюсь, Сальваторе Андреич заморочил меня с этим своим Римом в точности так, как морочил он в свое время Лушку да Малашку!

Римляне на нас и на других народов настолько не похожи, что чужестранцу общаться с ними трудно. Едва ли найду себе здесь друзей.

Все как-то серо и громоздко вокруг. Сквозь окна роскошных дворцов на Корсо видно внутреннее убожество. По-настоящему порадовали мой взор в этот первый день только огороды и виноградники, окружившие эти серые, скучные

дома. Сальваторе Андреич сказал, что разбиты они на склонах Эсквилина Квиринала⁵, и благозвучное название сие меня примирило с разочарованиями первого дня.

Вот еще одно из них: говорят, здесь не работают театры. Оберегая чистоту римских нравов, папы разрешают театральные представления лишь во время карнавала. А карнавал-то будет лишь на Пасху, эва сколько мне еще ждать! Покудова развлекаются кукольными театрами – еще не ведаю, что сие означает. Петрушки небось наши? Также говорят, что на оперной сцене запретят выступать женщинам, вместо них будут играть кастраты. Каково сие будет узнать батюшке!

Паста здешняя (макароны с салом), запитая фраскати, несколько примирила меня с жизнью, поскольку оказалась весьма вкусна, лучшей из отведанной ранее, в иных итальянских городах.

1 декабря

Был на мессе в знаменитой Сикстинской капелле, услышал пресловутых кастратов в церковном хоре. Это хуже самого отвратительного кошачьего концерта: кажется, за всю жизнь не доводилось слышать более нестерпимого воя.

5 декабря

Писать шибко некогда – все ноги сбил, путешествуя. Бро-

⁵ Квартал Древнего Рима.

дил по Римской Кампанье⁶, рисуя пастухов – горцев из Абруцци, в традиционных бараньих шкурах, обернутых вокруг бедер и вывороченных шерстью наружу. Вечный наряд фавнов и силенов! Я рисовал их спящими между овец, согревавшихся их живым теплом, а рядом – бодрствующих собак и крупные алмазные звезды.

Сальваторе Андреич увидел наброски и разобрал меня в пух, что я не копирую росписи на потолке Сикстинской капеллы, а трачу время даром на каких-то простолюдинов и варваров. Эва хватил! А касаясь потолков Сикстинской капеллы скажу: Юлий II, который задумал дать великому Микеланджело заказ расписать их, был человеконенавистником. Это же вышла мука и наказание для художника и зрителя! Микеланджело вышел из испытания с блеском, а мы маемся. Постой-ка хоть пять минут, вывернув голову!

Вот какое сделал я наблюдение: очарование Рима не есть нечто мгновенное и внезапное. Оно не обрушивается на приезжего сразу, не поражает его, как молния. Оно медленно, постепенно, медоточиво просачивается в душу и мало-помалу наполняет ее, не оставляя места ничему другому. Отношение мое к Вечному городу совершенно переменилось!

7 декабря

Нынче со мной произошел замечательный, поразительный случай! Я как раз вышел с мольбертом и устроился на

⁶ Пустынные поля, окружавшие Рим в описываемое время.

прекраснейшей из римских площадей – Пьяцца Навона. Сидел под старым кипарисом на мраморной скамье, и твердые, смолистые шишечки сухо стучали, падая на нее. Три многоводных фонтана, игра их струй и красота церкви Сант-Аньезе настолько меня заворожили, что я не мог оторваться от работы. Вдруг в пение фонтанных струй вплелась едва различимая мелодия тарантеллы.

Я оглянулся. Слепой музыкант стоял невдалеке и перебирал струны мандолины. Редкие в этот час прохожие спешили мимо, как вдруг на площади появилась низенькая и чрезвычайно плотная дама в черном, а при ней – молоденькая девушка, также одетая в черное. Это в Риме вовсе не кажется мрачным: здесь все особы дамского пола почему-то предпочитают черный цвет.

Девушке захотелось послушать игру слепого (в самом деле, очень недурную!), и она замедлила шаги.

Девушка слушала музыку, а я слушал ее. Нет, нет, я не оговорился, именно *слушал*! Я созерцал прелестное лицо с точеными чертами и удивительно большими, влажными очами, напоминавшими два спрыснутых росой темных цветка, любовался улыбкой удовольствия, которая то и дело вспыхивала на нежных розовых устах и тотчас стыдливо пряталась, – и мне казалось, будто я внимаю некой музыке сфер, отчетливо слышу пение этой невинной души.

Тем временем музыка сменилась. Название новой мелодии я не знал, скажу только, что она резко ускорилась. Вдруг

руки девушки сделали неуловимое движение и подхватили пышные черные юбки. Я увидел прелестную ножку, изящно и дорого обутую. Носок башмачка начал постукивать в такт мелодии, и не успел я глазом моргнуть, как эта девушка, по виду принадлежавшая к самому чопорному слою общества, вдруг пустилась в пляс!

Сознаюсь, поначалу я даже глазам своим не поверил. Конечно, от Сальваторе Андреича я был наслышан о пылком нраве итальянских красавиц, но пребывал в убеждении, что это касается лишь жительниц южных краев этой страны. До села в Папской области⁷ я встречал только опущенные долу очи и самое постное выражение хорошеньких лиц. И вдруг увидеть такое!

Девушка танцевала грубый народный танец с поразительной грацией. Чудилось, вот эти взмахи рук, кокетливые переборы ножками, поклоны, повороты головы, прыжки и легкие метания то вправо, то влево являются неким подобием человеческой речи и заменяют прекрасной танцовщице обычные слова. Чудилось, она решила поведать мне историю своей жизни. Этот рассказ был настолько трогателен, что у меня замерло сердце и все поплыло в глазах. С удивлением я обнаружил, что они затянуты слезами...

⁷ Государство, существовавшее в Центральной Италии и возглавлявшееся папой римским. Оно возникло примерно в 752 году и было упразднено Наполеоном в 1808 году. Впрочем, оно возникло опять в 1814 году и пережило многие кризисы, пока окончательно не оформилось в 1929 году как город-государство Ватикан.

Торопливо смахнув их, я в первую минуту оторопел. Не одного меня поразил сей прелестный монолог! Суровая дунья уже топталась рядом на своих коротеньких ножках, поворачиваясь довольно-таки неуклюже, с ошалелым выражением лица, как бы не вполне понимая, что делает и какая сила заставляет ее плясать. Какой-то важный синьор в синих стеклах, должно быть, прикрывавших больные глаза, перебирал ногами с устрашающим проворством. Молодой человек, по виду конюх, ведущий в поводу нагруженного мула и остановившийся поправить съехавшие выюки, отбросил их в сторону и тоже начал плясать! Служанка, шедшая с сосудом воды на голове, сунула его куда-то и присоединилась к танцующим. Говоря коротко, через несколько минут вокруг слепого плясали уже тринадцать человек, и в их числе, увы, признаюсь со вздохом, был также я!

И вот она взглянула на меня...

Не могу передать, что в это мгновение со мной сделалось! Казалось, между нами протянулась некая странная нить и опутала меня всего, и так странно, так блаженно сделалось на сердце! Я бы сейчас отдал жизнь за то, чтобы вечно смотреть в эти странные, колдовские глаза, я повлекся к ней, словно бы на невидимой привязи, но...

Но проклятуший слепой перестал играть.

Девушка мгновенно очнулась и опустила ресницы, словно опустила занавес над последней сценою. Все с недоумением озирались, как бы пробудившись от сна. Казалось, никто не

мог сказать, что он здесь только что делал. Все как-то очень быстро и смущенно разошлись.

Дуэнья подхватила под руку прекрасную девушку и повлекла ее за собой. Та даже не успела поправить кружевную косынку, прикрывающую волосы. И я не успел проститься с ней – хотя бы взглядом. Только поймал мельком удивительную улыбку, все еще блуждающую на губах.

...Una bellezza sfolgorante, как говорят итальянцы.

Ослепительная красота. О да, тысячу раз да!

8 декабря

Одна из фресок Микеланджело на потолке Сикстинской капеллы называется «Сотворение светил и растений». Боги Рима! Господи! Не это ли сейчас происходит со мной? Я вдруг понял, что означала загадочная полуулыбка на устах моей танцующей незнакомки. Я понял, о чем она думала, когда танцевала, о чем был ее танец. Я понял, какая сила заставила птицу вылететь из клетки!

Эта сила была – любовь. Она влюблена! В кого же?

Я не знаю этого и не узнаю никогда. Я не знаю даже, как ее зовут.

Россия, Нижний Новгород, наши дни

Наблюдательная соседка оказалась совершенно права: убийца Никиты Львовича Леонтьева стрелял именно с балкона. Попал он туда с верхнего этажа, из пустой квартиры.

То, что она пустует, было известно от подкупленного агента из риелторской конторы. От этого же агента за немалую сумму были получены на один вечер ключи, хотя никакого труда не составляло открыть элементарный гаражный замок столь же обыкновенной отверткой. Но не хотелось поднимать лишнего скрежета, а к приходам незнакомых людей, желавших посмотреть пустующую квартиру с целью ее последующей покупки, в подъезде уже попривыкли.

Человек, стрелявший в Леонтьева, имел все шансы запутать следствие. Он аккуратно подобрал все гильзы, он не оставил в квартире никаких следов, пришел и ушел незамеченным. Если бы не глазастая соседка... Правда, о глазастой соседке убийца ничего не знал. На счастье Людмилы Михайловны! А впрочем, какой смысл был ее бояться? Видеть она никого не видела, а странная девушка могла разыскиваться лишь как соучастница либо свидетельница убийства, но никак не его исполнительница.

Свидетельницей девушка не была – убийца совершенно точно знал, что его никто не видел. Соучастницей – ну разве что невольной. Не подозревая о той участи, которая уготована Леонтьеву, она тем не менее так заморочила ему голову, что он ничего не видел и не слышал вокруг себя – курил на кухне в форточку, набираясь, надо полагать, храбрости перед последним и решительным штурмом этой хорошенькой сероглазой крепости в мини-платице, даже не замечал шевеления на балконе, пока у самых его глаз не мелькнула

смутная тень, а потом не вспыхнуло пламя... Тут-то Леонтьев и простился с жизнью. Вряд ли даже успел понять, что его убивают! И уж тем паче не знал он, даже вообразить себе не мог, за что с ним это сделали!

Убийца ничего против Леонтьева лично не имел. Он и видел-то жертву раза два в жизни – а если точнее, именно два: в первый – когда тот вышел из «Пикассо» с девушкой, ну и потом с балкона – лицом к лицу, в последний миг его жизни. В ночном клубе Леонтьева вел напарник убийцы. Такая у него была задача: приятная и непыльная. Сиди себе в полутемном зале, потягивай винишко да знай смотри в оба глаза, чтобы клиент с девочкой не смылись куда-нибудь незаметно. А потом убедись, что они вошли в квартиру, и дай сигнал. Затем напарнику оставалось только пришпилить на дверь знак – и вся его работа! Как говорится, не бей лежащего, хотя именно он считался ответственным за операцию. Руководил ею тот, другой, приезжий человек, ну а здесь, на месте, отвечал за исполнение напарник убийцы. Стрелять же досталось тому, кто стрелял. Впрочем, ему было не привыкать стрелять в людей.

Исполнять заказы, стало быть.

Когда убийца Леонтьева (то есть в то время жертва была еще жива, но это роли не играет, это мелкие детали!) увидел знак, который должен был появиться на двери жертвы, в первую минуту он решил, что его наниматели спятили. Незаметно переглянувшись с напарником, понял, что и тот при-

держивается того же самого мнения.

Да бог с ним, со знаком! Потом оказалось, что девчонка не должна была уйти от Леонтьева живой! Что за нелепость такая? Зачем убивать свидетельницу, которая никого не видела? Однако приказ был однозначен. И мальчишку, о котором было дополнительно сообщено, тоже предстояло убрать. Ну, там дело терпело, исполнители еще даже не видели его в лицо, а вот насчет девушки все было сказано вполне определенно.

Да ладно, впервой, что ли? Рано или поздно все помрем, чего дергаться-то? Хуже было другое. Хуже было то, что денег за сделанную работу им пока не дали. А они сидели на полном подсосе. Значит, деньги предстояло как-то добыть. Как? Ну, видимо, старым дедовским способом: выйти на проезжую дорогу с кистенем и грабануть первого же встречного прохожего-проезжего.

Россия, Нижний Новгород, наши дни

– Матерь Божия! Это не студия, это, получается, клуб инвалидов детства! – раздраженно выкрикнула Майя. – Медленный вальс танцуем, а не вот это!

Она сердито затопала, чуть ли не вприсядку.

– Сергей! Показываем! Все смотрят на нас! И-р-раз, два, три!

Полетели по залу. Сергей ощущал сильную, такую знакомую руку Майи на своем плече, и, как всегда, ему казалось,

что не он ведет танец, а она напористо поворачивает его то вправо, то влево, одновременно нажимая ладонью на его ладонь. «Дафна, вы опять ведете!» Так было всегда, сколько он себя помнит.

«Я хочу танцевать! – подумал Сергей с внезапной, острой, почти физической болью. – Не так, как здесь, в студии, один только бесконечный тренинг, тренинг. Нет, я знаю, что это нужно, школа нужна каждый день, но ради чего? Ради того, чтобы снова понять: я здесь лучший, мне здесь никто и в подметки не годится, я достоин большего, – но где оно, это большее?!»

Сергей вспомнил конкурс «Осенний звездный» в Москве, откуда они с Майей вернулись не так давно. Все еще звенела в ушах музыка, сверкали бриллианты и меха красивых зрительниц; все еще мелькали-золотились баснословно дорогие наряды танцоров; все еще щекотал ноздри особенный, возбуждающий аромат большого, праздничного, страшно дорогого столичного шоу... а он чувствовал себя уличным щенком, которого пустили только на порог кухни, дав понюхать вкуснейшей похлебки с самым лучшим, что есть на свете, – с мозговой костью, – и тут же вышибли коленом под зад. Мальчик, ползи в свой Нижний Пригород, да нам плевать, что ты там, в этой деревне, супер, только дураки думают, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, понял?

У тебя есть денежки заплатить за пять дней проживания в Москве, да за участие в конкурсе, да плюс дорога в оба кон-

ца? У тебя есть денежки на новые ботинки для стандарта и еще для латины? На фрак с хорошей рубашкой да хотя бы манишкой для стандарта? На эффектный костюм для латины? У тебя есть деньги на два платья и две пары туфелек для партнерши? У тебя и партнерши-то нет, придурок!

Нет, все же девчонкам легче. Всегда найдется какой-то богатый дяденька, который с удовольствием раскроет для них кошелек. Конечно, за все надо платить натурой, но это уже как бы само собой. Это уже почти нормально воспринимается, если речь идет о девчонках. Но с парнями совсем иначе дела обстоят...

– Не забываем об основных принципах стандарта! – Голос Майи оторвал его от размышлений. – У вас есть толчковая нога, вы должны оттолкнуться, получить разгон. Вы начинаете ходить по улицам со стопы, никто же коленями вперед не ходит, почему же здесь коленку выставляете? Вы должны вытягиваться! Колени выпрямлять! Давайте вспомним медленный фокстрот. Сергей, поменяй музыку. Слоу энд квик, квик! Партнерши! Каблук, носок, носок! Каблук, носок, каблук! Забыли, что ли? Это же очень простой танец: как говорят англичане, ходи и улыбайся.

Сергей тихонько усмехнулся. Ничего себе, простой! Это самый трудный танец – медленный фокстрот.

– Сережа, ты чего расселся, будто ноги не держат? Ты мне помогать должен, а ты что стоишь? Иди сюда!

Сергей нехотя приподнялся. Как-то очень удобно сцена

поставлена в этом зале – низкая такая, не хочешь, а присядешь на нее!

Шагнул – и сразу чуть не споткнулся о внезапно открывшуюся дверцу внизу сцены. Там уборщицы хранят всякие тряпки, швабры и вечно забывают закрыть как следует. Эту дверцу вообще с первого взгляда не увидишь, никакой задвижки там нет, ни щеколды, ничего. Когда-нибудь кто-нибудь здорово запнется и расшибет себе нос. Между прочим, через эту дверцу можно пролезть под сцену, а оттуда пробраться заколоченным ходом в подвал, из которого, кстати, тоже нет выхода, зато в нем есть окошки на Покровку, забитые теперь крест-накрест, чтобы кошки и крысы не лазили. Раньше, когда Сергей только еще пришел в студию, они с пацанами как-то забрались под сцену и протиснулись-таки в подвал. Майя голову сломала, куда они подевались. Вот только что были – и уже их нету. Интересно, тот ход еще сохранился? Надо бы проверить, только зачем? Да и теперь небось застрянешь, если полезешь туда, все-таки подрос мальчонка.

– Да что у нас такое сегодня с медленным фокстротом?! Снова шаг-перо. Слоу... девушки, вы здесь активно пропускаете партнера мимо себя. Стараетесь сохранить контакт в бедрах, но пропускаете его мимо. Пронosite ногу свою за счет того, что подтягиваетесь, здесь нет подъема на носки, работают только колени, но оч-чень активно! Контакт в бедрах сохраняем, я же только что сказала! А тебе чего?!

Сергей уставился с недоумением, но Майя обращалась не

к нему. В зал заглянул Малевич.

Павел Васильевич Малевич вел свою студию в том же Доме культуры, что и Майя. Хотя они знали друг друга сто лет, хоть считались товарищами по цеху, но все эти сто лет тихо соперничали – а иногда даже не очень тихо. Малевич дико завидовал, что у Майи и в детской школе, и во взрослой, и в студии, где занимались ребята годами, десятилетиями, можно сказать, народ стабильно держался, а от него с женой ученики уходили один за одним, хотя у Павла и Нелли Малевичей, конечно, имя было погромче, чем у Майи Полуниной, и связи покрепче, и денег побольше. Однако же вот...

Как-то раз Сергей случайно слышал в раздевалке разговор двух девушек, которые перешли из школы Малевичей к Майе:

– Да ну его на фиг, он на меня смотрит с таким отвращением! Деньги берет, это нормально, даже улыбается, а как начну танцевать, сразу рожа такая, будто его вот-вот прямо на меня вырвет!

– Ты что? – изумленно спросила вторая. – А как ему еще на тебя смотреть, если он педик крутейший?! Для него всякая женщина – исчадие ада и вообще...

– Мале-е-вич?! – протянула первая. – Педик?! Да брось-ка!

– Вот тебе и брось. Это сейчас он попритих, а раньше знаешь какие слухи о нем ходили? Говорят, – голос слегка понизился, – был даже какой-то процесс, только это дело спусти-

ли на тормозах, все-таки раньше они с женой были очень известной парой, честь губернии защищали, то-се, всякие призы пачками брали...

– Слушай, да ведь он женат! Как же он с женой живет, если...

– Дитя! – покровительственно усмехнулась вторая девушка. – Зачем ему с ней жить? То есть я хочу сказать, внешне они пара, все чин чинарем. Но у нее своя, совершенно особенная личная жизнь. Она тоже молоденьких мальчиков предпочитает!

Этот разговор не был для Сергея откровением. Майя сразу предупредила, чтобы держался от Малевича подальше. Он и держался.

Впрочем, и сам Павел Васильевич последнее время потух. Ходили слухи, будто отец одного из его бывших учеников пообещал лично кастрировать Малевича, если тот снова протянет лапы к его сыну или к кому-то из его друзей.

– Майя Андреевна и ты, Серж, – улыбнулся Павел Васильевич. – Вот скажите, что я вам не друг! Знаете, какую потрясную протекцию оказал? Светят хорошие денежки и, что характерно, некая слава. Слыхали, да, что Мисюк – ну, тот самый, великий Эмиль Мисюк из Москвы! – будет Булгакова в нашем ТЮЗе ставить? Так вот. У него гениальная задумка: одна сцена происходит целиком в сопровождении танго. И не какого-нибудь там аргентинского, на котором сейчас все помешались, а именно бального! Должна быть суперпа-

ра, которая будет танцевать на сцене. А кто у нас в Нижнем супера? Вы, родимые мои, ненаглядные!

Небольшие, в набрякших веках глаза Малевича так и лучились неподдельной добротой:

– Завтра ровно к десяти утра пожалуйста на репетицию в ТЮЗ. Я вас в вестибюле встречу. Познакомлю с великим человеком. Майя, если ты из-за пустых предрассудков не дашь Сергею ухватить шанс, то будешь просто собака на сене, понятно?

Майя оглянулась на своего любимого ученика, на его возбужденно вспыхнувшие карие глаза... но только и могла, что поджать губы, не сказав ни слова.

Она не была собакой на сене. Она видела, Сергей аж болен, так ему хочется всерьез танцевать! Чем же это плохо – станцевать на спектакле, который ставит знаменитый Эмиль Мисюк? Наверное, там будет настоящий большой выход. Нельзя упустить такой шанс. А что касается разговоров, которые об этом Мисюке ходят... таких же слухов, как о Малевиче... Ну, Сергей уже большой мальчик, вполне может за себя постоять.

Франция, Париж, наши дни

Погода улучшилась. В аэропорту стало заметно посвободнее: теперь задерживали только дальнее восточное направление. Улетели англичане, немцы, чехи и венгры. Самое ужасное состояло в том, что улетели даже хохлы!

Близился вечер, Тоня до сих пор ничего не ела, однако не чувствовала голода. Напряжение, владевшее ею, было слишком сильным, порою невыносимым. Смуглый красавец на глаза не попадался, однако она чувствовала его присутствие всей кожей, ощущала его взгляд, словно какое-то клеймо, подобное, к примеру, той лилии, которую всю жизнь носила на левом плече злобредная и обворожительная миледи Винтер.

Правда, какой-какой, но уж обворожительной сейчас Тоня никак не могла называться. Костюм помялся, некогда элегантное пальто, которое она таскала переброшенным через руку, выглядело туско-зеленой тряпкой, туфли немилосердно жали, а тоненький кашемировый свитерок, надетый, по дурацкой привычке, на голое тело, вдруг начал колоться. Вдобавок в аэропорту из-за огромного количества скопившегося народу сделалось ужасно жарко. Слава богу, что Тоня всегда носила в сумочке маленький флакончик с любимыми духами «Burbery week-end», и теперь она то и дело опускала руку в сумку, открывала флакончик и осторожно касалась благоухающим пальцем то кончиков ушей, то шеи, то висков, то затылка, стараясь делать это, конечно, незаметно. Увы, незаметно получалось не всегда. Уже дважды, воровато обернувшись – не видит ли кто ее манипуляций? – Тоня почти наткнулась на торопливо отведенный взгляд высокого светловолосого парня в серой щегольской куртке и зеленоватом клетчатом шарфе.

Этот парень держался особняком, хотя жаждущие отправки в Москву русские уже не то чтобы подружились, а почти сроднились. Женщины болтали о детях и мужьях, косметике и тряпках, мужчины осторожно прощупывали деловые связи, пара-тройка туристических малышей носилась туда-сюда по залу ожидания...

Парень тем временем на очень недурном французском заговорил с маленькой точеной брюнеткой, представительницей «Эр Франс». А потом обернулся к соотечественникам.

– Господа, – произнес он вроде бы негромко, однако его почему-то все сразу услышали и доверчиво повернулись к нему, – оказывается, над Москвой, покинув Европу, завис колоссальный грозовой фронт. Но переживать не о чем. Компания «Эр Франс» обязана, во-первых, устроить всех на ночь, причем если до места проезда предстоит добираться, то пассажирам оплатят и проезд, пусть даже и на такси, туда и обратно. Только нужно взять у водителя фактур – то есть квитанцию. Также всех накормят ужином и завтраком.

В толпе пассажиров пронесся радостный шумок. Однако светловолосый поднял руку, призывая к тишине:

– Этот грозовой фронт, о котором я говорил, нельзя преодолеть, но можно облететь. Здесь и сейчас совершил посадку самолет «Люфтганзы», который направляется в Нижний Новгород. На борту есть свободные места. А среди нас есть люди, которые намерены были через Москву добираться в Нижний. К примеру, я, вот эта девушка... – Он в упор взгля-

нул на Тоню, и она почему-то растерялась от улыбки, которая блеснула в светлых прищуренных глазах. – Ну и кто-то еще, наверное? А возможно, некоторые не захотят остаться в Париже и пожелают добраться до Москвы через Нижний? Разницу в сумме берет на себя «Эр Франс». Вылет через два часа, мы будем на месте рано утром, учитывая время в пути и разницу во времени...

Один из пассажиров, судя по выговору, истинный нижегородец, решительно вынул из кармана паспорт и билет:

– Где менять-то?

Тоня машинально последовала за ним. А больше никто не пожелал переоформлять билеты.

Что? Лететь через Жмеринку в Европу? Упустить возможность переспать в хорошем отеле, отведав шведского стола? Вместо этого очутиться в этом «Нижнем Горьком»?! Нет уж! Все хотели только в Москву, в Москву, в Москву, словно чеховские три сестры!

Тоня уже подала кассирше документы – и вдруг насторожилась.

Откуда этот светловолосый парень вообще знает, что ей надо не в Москву, а в Нижний? Откуда?! Вдруг он – из подручных того опасного смуглого типа? Небось убийца смекнул, что Тоня его заприметила-таки в Нанте, потом взяла на заметку здесь – и решил обезопаситься, послав вместе с нею в Нижний подсадную утку?

Или коршуна. А в роли глупой утки выступит Тоня. Она

расслабится, заснет – сил-то больше нет, целый день на ногах, да в каком напряжении! – а коршун ка-ак тукнет ее втихаря своим клювом...

Не лучше ли не менять шило на мыло, а терпеливо ждать отправки рейса в Москву?

Ну да. А ночью в парижском отеле, куда отвезут всех, в том числе и смуглого, под покровом темноты он...

Тоня лихорадочно огляделась. Нет, опасного типа не видеть. Может, пошел в какое-нибудь аэропортовское бистро? Может, он даже и не знает про внезапно выпавший из гиперпространства рейс в Нижний? Может, удастся от него улизнуть? А светловолосый, очень может статься, существует сам по себе, а вовсе не является пособником врага? Ну не может, не может ведь так обалденно улыбаться плохой человек...

Впрочем, насчет улыбок обольщаться не стоит! Вспомнить хотя бы Сережу, учителя танцев. Когда он дает себе труд взглянуть на самую неуклюжую из своих учениц (Тоню Ладейникову, стало быть) и улыбнуться ей – из чисто педагогических побуждений, конечно, чтобы приободрить! – у Тони начинается натуральная дрожь в коленках. Невероятные Сережины глаза смотрят, чудится, в самую душу. Ох уж этот его взгляд: темный – глаза-то цвета горького шоколада! – и в то же время свет излучающий. Чудится, какие-то сверкающие, звенящие нити протягиваются в эти мгновения между ним и Тоней, у нее сладко сжимается сердце, и приходится силой напоминать себе о Катке, о Витале, о том, сколько лет

вообще пролегло между Сережей и ею... да между ними препятствий больше, чем между Ромео и Джульеттой. К тому же пусть бог спасет женщину, которая бросит свою жизнь к ногам этого юного Казановы! Вот он переводит взор на другую трепещущую дурочку, и ты видишь, что в глазах его тот же светлый пламень, и та же нежность, и тот же тайный, сокровенный смысл, и понимаешь, что Сергей просто не умеет смотреть на женщин иначе. Казанова – он и есть Казанова!

Тоня тряхнула головой, отгоняя долгоиграющее Сережино очарование, и задумалась: к чему это все вдруг вспомнилось? Ах да, она размышляла, верить ли улыбке светловолового парня.

Однозначно – нет. Пусть он даже и чист, как ангел, а все-таки доверяй, но проверяй. В самолете надо сесть от него подальше и умудриться не спать. А в аэропорту сразу хватать такси и мчаться к Витале. Может, загадочный попутчик утратит Тонин след и отвяжется?

О, вот отличная идея! Надо обеспечить свою безопасность в Нижнем тем, что позвонить Витале. Пусть встречает ее, желательно прихватив с собой Катьку. И они поедут ни на каком не на такси, а на рейсовом автобусе, в массе иных-прочих людей. Этому парню будет к Тоне не подойти. Авось и обойдется все, как оно обходилось до сих пор.

И Тоня отправилась обеспечивать свою безопасность – звонить бывшему мужу. Неподалеку от автоматов она снова увидела опасного испанца-итальянца, который прижимал к

уху мобильник и что-то тараторил.

Тоню он вроде бы не заметил.

Вот и чудесно!

Франция, Париж, наши дни

– Отец мой...

– Джироламо, я заждался твоего звонка!

– Она благополучно улетела.

– Полагаешь, она что-то заподозрила... относительно тебя?

– Не знаю, не уверен, однако мне лучше пока не попадаться ей на глаза.

– А ты связался с нашими людьми?

– Конечно. Ее встретят и будут сопровождать до тех пор, пока не приеду я и не подвернется удобный случай.

– То есть это будет выглядеть как обыкновенное загадочное убийство.

– Обыкновенное загадочное? Любопытное сочетание слов, отец мой. Позволю сказать, вы сами себе противоречите. Или одно, или другое. Кроме того, карта все-таки придаст случившемуся оттенок немалой необыкновенности!

– Конечно, конечно, однако это будет выглядеть не столь эффектно, как если бы случилось в стенах храма или в виду картин.

– Иногда приходится идти на некие уступки судьбе, это ваши слова. Если б вы только знали, как тяжело мне отто-

го, что не я сам свершу предначертание небес, что придется передоверить это другому. Конечно, мой человек получил строжайшие инструкции: дожждаться меня и только тогда, в моем присутствии... И все же мне бы хотелось лично отомстить за Лео.

– За Лео?! Боже мой, о чем ты говоришь? Наша жизнь и смерть – не более чем средство к достижению высшей цели – отмщению за страшное поругание нашей веры и нашего великого предка. Забудь о Лео. Думай о дочери этого проклятого рода. А также о ее дочери. Эти двое должны быть уничтожены, а потом можно будет подумать и о других.

– О других? Сколько же их?

– Пока поступили сведения о двоих.

– Насколько я помню, вы упоминали только об одном?

– Его имя тебе известно.

– Да... И я до сих пор не могу прийти в себя от этого странного, рокового совпадения... А другой?

– Чуть позднее я отправлю тебе электронной почтой его имя и адрес. Уничтожение этого мальчишки вы должны провести с особенным блеском!

– А его родители? Кто из них является... И как поступить с ними?

– Никак. Они в стороне от этого дела. Судя по тому, что нам удалось узнать, мальчишка – приемный сын людей, никогда и ничего не знавших о том, какое проклятие они навлекли на себя своей невольной добротой к брошенному ре-

бенку. Его родной отец погиб по собственной глупости – утонул, когда ребенка еще не было на свете. Месть Господня настигла этого человека без нашего участия, ведь именно он принадлежал к проклятому роду. Мать умерла при родах, словно чувствовала страшную угрозу, которая исходит от него. След ее утерян, к тому же она нимало не интересуется нас. Мы не убийцы, ты должен помнить это сам и внушить твоим помощникам. Мы не убийцы, мы – мстители.

– Иногда я размышляю о том, чем и как мы будем жить, когда свершится наша месть и картина будет уничтожена, а все потомки проклятого рода – убиты...

– Уничтожение картины уже близко, но ты напрасно думаешь, что мы так скоро искореним заразу. За два столетия эти люди расплодились, как тараканы, они проросли в самых разных краях огромной России, словно ядовитые травы, которые ассимилировались с окружением, приняли облик мирной, безвредной растительности. Наша цель – отыскать их всех и обезвредить. Уж не знаю, разочаруют тебя мои слова или вдохновят, однако бороться с этими тварями придется еще и твоим потомкам, и потомкам твоих потомков.

– Для этого их надо иметь.

– Ты прав. Вернешься – и мы поговорим о твоём будущем. Но сейчас нас больше интересует настоящее. Каковы твои планы?

– Я поеду в Париж, остановлюсь в каком-нибудь отеле, попытаюсь уснуть. Есть очень большая вероятность, что зав-

тра в 10.50 утра мы все же улетим в Москву. Оттуда я сразу направляюсь в Нижний Новгород. Этот ураган подарил ей, самое малое, двое суток жизни.

— На все воля Божья, сын мой. И на это — тоже его вышняя воля.

Из дневника Федора Ромадина, 1779 год

10 декабря

Скажи мне кто-нибудь прежде, что декабрь может быть именно таков, с солнцем и невянущими цветами, я бы в жизни не поверил. Эти погоды, этот климат внушает... сам не знаю что, какое чувство. Наверное, преклонение перед красотой. Рим, Рим, Рим... Какой божественный, легкий и солнечный здесь воздух. Знаю теперь: нигде мне не было и не будет так хорошо, как в Риме, остаться здесь навечно — значит навечно остаться молодым, вечно пребывать в этом ожидании счастья!

Я готов вечно ходить по улицам Вечного города и вглядываться в женские лица, надеясь увидеть то единственное, снова встретиться взглядом с теми глазами — темными и в то же время такими светлыми, чей взор опутывает, словно нежно звенящие нити...

Федор, эти строки тебе придется вымарать. Как думаешь, что скажет батюшка, когда прочтет их?!. Эва, хватил: вчерашнего дня искать! Опамятуйся, друг мой.

Был нынче в храме Святого Петра. Уже настал час *prima sera* – так в Риме называют вечернюю пору от семи до девяти часов, – уже тьма поползла меж колонн, а я все сидел и думал о том, что громада этого великолепного собора изначально должна была подавлять все вокруг, все прежние, античные развалины, подобно тому как христианский мир подавил античный. Меня бросает в дрожь лихорадочную, стоит лишь осознать: вот в этом тихом углу Форума, у источника нимфы Ютурны, поили своих лошадей Диоскуры! В том же Форуме прочел надпись на передней стене алтаря: «Посвящается богам подземного царства» – и невольно поежился, словно воды Стикса начали медленно струиться передо мной... Думал я также, что жизнь в античные времена была проще, и два человека, мужчина и женщина, чьи пути вдруг пересеклись, могли приблизиться друг к другу, не будучи скованными путами, кои наложены на душу церковью и приличиями. Сейчас римлянки, говорят, даже поклонников своих могут видеть лишь мельком, встречаются по воскресеньям в храмах, на мессе, чтобы обменяться страстными взорами...

Досидел я в храме до того, что послышался звон ключей привратника, который весьма изумился, увидав меня. Все молящиеся и праздные посетители уже давно ушли, пусто было кругом.

Неужто я ждал, что придет *она*? И непременно ради того, чтобы тайно встретиться со мною!

Как могут звать ее? Италианские женские имена прекрас-

ны. Лючия, Лаура, Метильда, Беатриче, Леонтина, Симонетта, Джилья, Марианна... Сам не знаю, какое выбрал бы для нее!..

Глупец. Лучше поразмышляй о том, что древние скульптуры, оказывается, укладывали на своих статуях волосы Минервы восемнадцатью способами! Не успокоюсь, пока не зарисую в свой альбом их все.

11 декабря... впрочем, уже давно 12-е

Происшествие, нынче со мною случившееся, не могу иначе назвать, как произволением Господним. Душою моею враз владеют и смятение пред игрою случая, и страх почти священный пред лицом Провидения, кое столь твердо и беспрекословно указало мне на бессмысленность и даже преступность моих тайных мечтаний.

Я был в Колизее. Пришел туда еще днем, укрывшись в верхнем уголке этих огромных развалин. Некогда здесь убивали друг друга гладиаторы на потеху властителям мира, сидевшим на трибунах, от которых ныне остались бесформенные развалины. Потом императоры предали мученической смерти тысячи христиан – все на той же арене. В память об этом папа Бенедикт XIV воздвиг вокруг нее четырнадцать маленьких ораторий с изображением страстей Господних. Только благодаря этому Колизей не был окончательно и бесповоротно разрушен, и можно сидеть в моем тихом уголке, испытывая величайшее наслаждение, какое только способ-

ны доставить человеку воспоминания о том, что вершилось с ним самим и человечеством вообще.

Я пробыл в Колизее до ночи.

Луна светила необычайно ярко! Я понял, что, не пройдя по Риму в полнолуние, нельзя представить себе, как он прекрасен. Все мелкое, суетное поглощено огромными чередующимися волнами света и тени – только грандиозное величаво открыто взору...

Неожиданно для себя я очутился на Пьяцца Навона, пустой в сей час. Не стоит пояснять, что площадь сия с некоторых пор – излюбленное мое место в Риме. Я сидел возле фонтана, где впервые увидел *ее*, когда высокий человек в плаще, чуть пригнувшись и опасливо на меня оглянувшись, вдруг прошел мимо и скрылся в одном из переулков, впадающих в площадь, словно ручей – в озеро.

«Кто сей? – подумал я, оцепенело, почти сонно следя игру лунного света в вечных струях фонтана. – Тать ночной, идущий на богопротивное дело? Или счастливый влюбленный, который сейчас встретится с владычицей своего сердца и сорвет с ее уст долгожданное признание, а может быть, и поцелуй?»

Вдруг странное нетерпение овладело мною. Я соскочил с влажного парапета и крадучись вошел в тот же проулок, в котором канул незнакомец.

Силуэт его виден был у высокой решетчатой ограды, опоясывавшей один из домов. Послышался чуть уловимый звон,

и я не сразу понял, что незнакомец стучит по ограде каким-то металлическим предметом, может быть, монеткой. Стук был не простой, а, конечно же, условный: один длинный и два коротких. Медленно и быстро, быстро! Потом снова – медленно и быстро, быстро!

И тут я увидел женскую фигуру, выскользнувшую из-под древесной сени и легко, почти невесомо подбежавшую к ограде с другой стороны.

Когда в последний раз так билось мое сердце? Не в тот ли незабвенный день, когда мандолина слепого музыканта соперничала со звоном струй фонтанов Пьяцца Навона?.. Меня тотчас пронзило двумя равно острыми, но в то же время противоположными чувствами: счастьем и горем.

Я был счастлив оттого, что нашел ее. Я был вне себя от горя оттого, что ее обнимали руки другого мужчины!

Кованой решетки меж этими двумя, чудилось, не существовало. Удивительным казалось, что ограда не рухнула, таким пылким было объятие, которое я принужден оказался наблюдать. В первое мгновение захотелось броситься прочь, зажав уши и зажмурясь, не видеть их прильнувших друг к другу тел, не слышать томных вздохов и этих бесконечно повторяющихся:

– Ti amo!

– Ti odorò!⁸

– Антонелла!

⁸ – Люблю тебя!– Обожаю тебя! (*итал.*)

– Серджио!

Однако я не мог сдвинуться с места, скованный ревностью – и странным восторгом.

Антонелла... Ее зовут Антонелла. Сколько раз пытался я угадать ее имя!..

– Я ждала тебя раньше. Теодолинда давно спит. Где ж был ты?

– Ну, я...

В его заминке мне почудилась насмешка судьбы. Этот неведомый Серджио опоздал на свидание, увлекшись, может быть, другой, тогда как я отдал бы жизнь, чтобы хоть на миг оказаться рядом с недоступной для меня Антонеллой!

– Нет, не говори. – Ее ладонь прижалась к его губам и была тотчас покрыта поцелуями.

Господи, я видел каждое их движение так отчетливо, словно все вокруг освещало солнце, а не луна! Или это был свет любви, струившийся из необыкновенных глаз Антонеллы и озаряющий все вокруг?

– Нет, не говори. Я не хочу принуждать тебя лгать. Ты был у... него?

Голос ее дрогнул. Так дрожит голос у женщины, если она с трудом сдерживает слезы. Вот когда я пожалел, что еще не перенял обычая итальянцев носить при себе для всякого случая кинжал! С каким наслаждением я вонзил бы его в грудь ветреного Серджио, не ведающего своего счастья!

– Антонелла, умоляю тебя... Твои слезы разрывают мне

сердце! Этот человек мой духовный отец. Ты же знаешь, что моя мать, умирая, поручила меня ему. Я ему обязан всем, всем. Даже встречей с тобою! Ты вспомни: ведь я впервые увидел тебя на мессе, которую служил отец Филиппо. И с тех пор...

– И с тех пор он понял, что я стою на пути к тому будущему, кое уготовано тебе по воле твоей матери и твоего духовного отца. Думаешь, я не знаю, что он оговаривает меня пред тобою?!

В голосе прекрасной девушки звенело исступление, а в голосе Серджио – негодование:

– Неправда! Эта неправда! Ревность застит тебе разум, Антонелла. Никогда отец мой не позволил ни единого грубого слова о тебе. Он благословляет мою любовь к тебе, как все, что дорого мне, как мои картины и офорты. Да знаешь ли, что он сказал? Он хочет подарить мне все офорты Пиранези⁹, собранные им за многие годы. Он хочет, чтобы они украсили стены моего дома... нашего с тобой дома!

– Я не понимаю. Нашего дома?

– Да! Отец Филиппо сказал сегодня, что понял свою ошибку. Я еще не готов жить в мире только лишь духовных радостей, земная суть моя довлеет надо мною. И он смирился с этим. Он готов благословить наш союз!

⁹ Джованни Баттиста Пиранези (1720–1778) – знаменитый итальянский художник-график, мастер так называемых архитектурных пейзажей, выполненных в графической технике.

– Нет, я не верю. Почему вдруг?.. Что произошло?!

– Отец Филиппо сказал, что нынче ночью ему было видение. Он отпустит меня – если я сам этого пожелаю. Он еще сказал, что напоследок откроет мне некую тайну, которую заповедал ему...

Юноша не договорил. Мне почудилось, будто некий сгусток тьмы вдруг отделился от непроглядного скопления теней в конце проулка и набросился на Серджио.

Через мгновение, проморгавшись от изумления, я понял, что это были люди. Четверо в масках!

Антонелла испустила крик, но в ту же минуту чья-то грубая рука с такой силой оттолкнула ее от решетки, что девушка упала наземь и осталась недвижима и безгласна.

Кто сей негодяй, посмевший причинить ей боль, быть может, лишивший ее жизни?! Коли так, и он не проживет лишнего мгновения!

Я бросился в драку, вспомнив, как ходили на дворовых кончанские мужики у нас в Красивом, как бились стенка на стенку, как я стаивал то в одной, то в другой стенке, дабы испытать удары двух первейших в округе кулачных бойцов: батюшкина повара Силуяна и кузнеца Пахома. Бывал я ими бит неоднократно, однако же и от них успел кое-чему научиться, Пахом даже сказал мне о прошлый год, потирая ушибленное мною крутое плечо и болезненно морщась:

– Ну ты силен, молодой! Повезло мне, что не в глаз вдарил, не то ослепнуть бы мне в одночасье! Однако же помни:

когда правой бьешь, левой не позабывай прикрываться. Так и подмывало меня вlepить тебе в зубы, пока ты размахивался, да пожалел я тебя: ну кому ты щербатым нужен будешь, а, Федор Ильич?

Что скрывать: уроки великодушного Пахома были мною в ту ночь позабыты. Не о защите думал я, когда вломился в драку с напором медведя, поднятого среди зимы из берлоги и проворно стряхивающего со своих боков наглых охотничьих псов!

Потомки древних римлян оказались на диво мелки доблестью. Впрочем, они и не были готовы к столь яростному и единому отпору. Не стану скрывать: Серджио, вырвавшись из рук супротивника и уложив его мастерским тычком под горло, отчего тот захрипел и смиpно прилег под оградою, держался геройски. Он даже выхватил стилет, который, правда, был тут же вышиблен из его рук и со звоном отлетел куда-то в сторону, но продолжал драться врукопашную. Он не наносил ударов зубодробительных, зато причинял разбойникам чувствительную боль.

Я уложил одного и другого из тех, кто, не разобрав, откуда ветер дует, ринулись на меня в горячке боя, а потом повернулся к своему невольному сподвижнику. И вовремя, не то ему туго пришлось бы. Тот самый злодей, коего Серджио посылал отдохнуть под оградою, успел очухаться, подняться на ноги и изготoвиться к броску. В лунном свете сверкнуло лезвие, чудилось, впрыгнувшее из его рукава, но тут я всту-

пил в схватку.

Напрасно презирал я потомков римлян! Кинжал либо стилет перелетел в левую руку этого задиры, а правой он принялся бить меня по чем ни попадя. Дважды кулаки наши встретились в воздухе, и диво, что мы не раздробили друг другу костяшки пальцев. Мои, во всяком случае, все раскрошавлены и ноют весьма чувствительно до сих пор. От души надеюсь, что и ему была причинена боль не меньшая, а то и большая!

В конце концов мне надоело махать с ним, всякую минуту ожидая, что его кинжал будет пущен в ход. Я врезал злодею в живот... противник согнулся вдвое, однако не упал, а резво кинулся в глубину проулка, хриплым, сдавленным голосом выкрикивая проклятия, которые мне ни малого вреда не причинили, однако его поверженные противники восприняли их как призыв к отступлению. Они кое-как поднялись и кинулись наутек.

Мы с Серджио порывались их преследовать, но не могли прежде не взглянуть на Антонеллу, которая уже пришла в себя и взывала нежным голоском о помощи к святой Мадонне, поскольку в такую глухую пору некого было больше молить о наказании злодеев.

Увидев, что Серджио невредим (разорванная одежда и всклокоченные волосы в счет не идут), она едва не обезумела от радости и принялась на все лады изъяслять свою любовь к нему. Серджио не отставал от нее в своей пылкости.

Глядя на этих двух детей, цепляющихся друг за друга, я едва не облился слезами – умиления и зависти враз. Но тут влюбленные оторвались друг от друга и обратили на меня равно восторженные взоры и восклицания.

Матушка Пресвятая Богородица! Чего мне только не пришлось выслушать! Особенно усердствовал Серджио, который с одного взгляда распознал во мне умелого драчуна. Впрочем, и я называл его бойцом доблестным и стойким. Спросил, кто могли быть негодяи, которых мы только что разогнали, но не получил ответа. При этом дивные очи Антонеллы, кои были устремлены на меня с таким выражением, что я ощущал себя не просто человеком хорошим, но отличным, самым лучшим, первейшим в мире героем – небось даже почище Александра Македонского и Ганнибала! – померкли. Она явно хотела что-то сказать, но удержалась лишь в последний миг. Впрочем, Серджио (да и я, немало слышавший из их беседы) понял, что имела в виду красавица.

– Ты не права! – пылко возопил Серджио. – Отец Филиппо не мог иметь отношения к этой предательской заварушке. Ведь разбойники стремились причинить вред прежде всего мне, а он никогда не смог бы этого сделать, поскольку любит меня, как родного сына!

Антонелла на миг потупилась, признавая свое поражение, но затем вновь воздела взор и принялась благодарить меня с той непосредственной нежностью, коя в устах женщины любой другой национальности казалась бы почти бесстыдной,

однако у римлянки воспринимается как самое естественное проявление чувств.

– Знайте же, – сказала она мне с мрачной решимостью, – что ежели бы мой возлюбленный погиб, я бы немедленно наложила на себя руки, и адский пламень не напугал бы меня!

Я пробормотал какие-то общие фразы, думая при этом только об одном: ах, кабы мне такую любовь! Да я заложил бы душу врагу рода человеческого за то, чтобы оказаться на месте Серджио!

Однако немота сковала уста мои. Чудилось, сражаясь плечом к плечу с молодым римлянином против его недругов, я принял на себя некие моральные обязательства, побуждающие меня накрепко запереть сердце и уста. Они оба, и Антонелла и Серджио, видели во мне токмо благородного защитника, поборателя разбойников. Ну как я мог явиться перед ними в образе ином, открыть чувства свои, которые этим прекраснодушным детям показались бы гнусными и даже кощунственными?!

Словом, я молчал, как рыба, как пень, как мертвец, лишь изредка делая на устах улыбку, и не удивлюсь, если Антонелла в конце концов сочла меня за полного *stupido*, выражаясь на здешнем наречии. Успеть окончательно разувериться в моих умственных способностях помешал, однако, истошный вопль, раздавшийся из приотворенного окна того дома, возле коего происходило описываемое действие:

– Антонелла! Антонелла! Где ты?!

– О Мадонна! Проснулась Теодолинда! – в ужасе выдохнула Антонелла и исчезла в полной таинственных теней глубине сада.

Чтобы удержаться и не ринуться вслед за нею (она ведь унесла с собой мое сердце, ну мыслимо ли телу без сердца жить?!), я принялся озираться и нашел-таки, что искал: тот самый нож, который разбойники выбили из рук Серджио. Подобрал, вручил ему. Это был длинный и узкий стилет, которым, как мне кажется, довольно трудно нанести рану болезненную, однако при известной ловкости можно так удачно чиркнуть по горлу, что противник даже и не поймет, как настигла его гибель. Я обратил внимание на его причудливую рукоять с завитком по низу, который при надобности мог защитить пальцы от брызг вражеской крови.

Серджио принял стилет, спрятал его. И мы с моим соперником-другом остались стоять лицом к лицу, совершенно не представляя, что делать с нашим знакомством дальше.

Россия, Нижний Новгород, наши дни

Говорят, убийцу всегда тянет на место преступления. Говорят также, что в присутствии убийцы раскрываются раны жертвы и мертвая кровь начинает струиться из них.

Тоня стояла посреди двора, тупо глядя, как из-под земли выбивается, пузырясь, ржавая, словно окровавленная вода.

– Батюшки! Опять канализацию прорвало! Да что же это такое, в конце-то концов?!

Возмущенный голос, раздавшийся совсем рядом, вернул ощущение реальности происходящего. Тоня оглянулась. Рядом стояла женщина – по виду слегка за пятьдесят, с сухим интеллигентным лицом, на котором еще весьма отчетливо сохранились, как принято писать в романах, следы былой красоты. На ней была маленькая черная шапочка из каракуля – весьма кокетливая и дорогая, как успела заметить Тоня, – и черный же каракулевый жакет: благо морозы еще не особенно свирепствовали. Тоню, правда, все время морозило, она даже надела нынче дубленку, однако от чего морозит, от застарелого страха, нечистой совести или перемены климата, трудно было сказать. Скорее всего, из-за перемены климата – в Нанте и Париже еще вовсю цвели розы. Это в ноябре-то, можете себе представить?! Видела эти розы Тоня лишь позавчера, а кажется, сто лет прошло после возвращения домой. Другой мир, другая погода! В Нижнем уже дважды выпадал снег, однако пока не лег, ибо общеизвестно: прочен лишь третий снег, и то если ложится на мерзлую землю. Настоящими морозами же еще покуда не пахло... пахло прорвавшейся канализацией.

– Надо, наверное, какую-нибудь техпомощь вызывать или слесарей, – беспомощно сказала Тоня, удивляясь, какое вообще-то ее дело. Ни к канализации, прорвавшейся в этом дворе, ни к самому двору, ни к дому – облезлой панельной девятиэтажке – Тоня не имела никакого отношения. Зато она имела некоторое отношение к убийству, совершившему-

ся две недели тому назад вот в этом подъезде, на седьмом этаже.

– Пойду вызову, – сказала женщина в черной шляпке, делая шаг к подъезду, из которого только что вышла, но вдруг снова обернулась к Тоне и внимательнее взглянула в ее лицо: – Извините, я вас нигде не могла видеть?

Тонино сердце предательски ухнуло в пятки. Нет, не может быть, ее никто не видел в тот страшный вечер, подъезд был абсолютно пуст. Просто на воре шапка горит, вот в чем штука.

– Нет, я вас определенно где-то видела, и совсем недавно! – настаивала черная шляпка. – Да господи же! Вы ведь на телевидении работаете, да? На канале «Собеседники»? Вы ведете передачу «Итоги дня»? Вы – Юлия Татищева!

Тоня с трудом сдержала нервическую судорогу, внезапно пробежавшую по лицу. Не в первый раз на нее начинают пялиться либо восторженно, либо возмущенно, то почтительно, то грубо выпрашивая, не она ли та самая, очень в Нижнем знаменитая... Юлия Татищева никогда не нравилась Тоне своей манерностью и неряшливым нижегородским выговором, поэтому она всячески открещивалась от «родства» с ней. Вот и сейчас – первым побуждением было воскликнуть: «Это не я!» – однако она сдержалась и скроила притворную мину скромницы.

Да ведь эту любительницу пялиться в телевизор ей, не иначе, сам бог послал. Она наблюдательна, это видно сра-

зу. Впрочем, Тоня будет благодарна за самую незначительную информацию, которая позволит ей убедиться: о ней по-прежнему никто не подозревает, она по-прежнему в стороне от этого темного дела.

– Ну, не вижу смысла скрываться, если уж вы меня узнали. – Тоня улыбнулась с максимальным добродушием. – Да, меня зовут Юлия Татищева. А вас как величать прикажете?

– Людмила Михайловна Матушкина. Вы не представляете, до чего же мне приятно с вами познакомиться, Юлечка. Я вами восхищена, просто восхищена. Вы такая красивая девочка, так прекрасно держитесь, у вас такой приятный голосок, а главное – вы такая умница!

Что-то это до боли напоминало Тоне... какие перышки, какой носок, и, верно, ангельский быть должен голосок... Ох и лстивая лиса эта Людмила Михайловна Матушкина! А какой сыр ей нужен, интересно? Нету у Тони никакого сыра! Или и впрямь Людмиле Михайловне нравится эта бесцеремонная, бестактная Татищева?!

– Что же привело вас сюда, Юлечка? – сияла глазками Людмила Михайловна. – Конечно, репортаж «Итогов дня» о нашем доме был бы очень кстати. Это же проклятье какое-то, а не дом. Воду вечно отключают – то холодную, то горячую, лампочки над подъездами выкручивают, на стенах пишут разные гадости, а у нас, во втором подъезде, лифт то вовсе не работает, то доползает только до шестого этажа.

«Извини, но придется немножко пройти пешком. Лифт у

нас какой-то увечный, только до шестого поднимается, а я живу на седьмом. Переживем как-нибудь?»

Тоня зябко передернула плечами. Лучше гнать подальше эти опасные, непрошенные воспоминания! Впрочем, они потому и зовутся непрошенными, что являются без всякого спросу.

– Помните, у Булгакова была нехорошая квартира номер 50? – долетел до ее сознания возмущенный голос Людмилы Михайловны. – Вот у нас такой же подъезд нехороший! Тут две недели назад на седьмом этаже произошло совершенно загадочное убийство, и, вообразите, никто ничего до сих пор не знает, не ведает.

Вот оно! Судьба еще раз помогает Тоне! Похоже, эта Людмила Михайловна из тех добровольных свидетельниц, которых и расспрашивать не надо: она сама все расскажет, останется только потихоньку подталкивать ее в нужном направлении.

Ну, поехали!

– А вы знаете, Людмила Михайловна, я ведь как раз по поводу этого убийства и пришла. Мы давали небольшую информацию, но зрители требуют подробностей. Полиция держит все в секрете, хотя я подозреваю, что им просто нечего сказать людям. Несколько версий, несколько версий... Это все пустые слова. Думаю, у них и одной-то версии нет. А все почему? Потому что не умеют работать со свидетелями. Наверняка в вашем подъезде есть люди, которые что-то видели

краем глаза, что-то слышали краем уха...

– Конечно, есть! – победительно фыркнула Людмила Михайловна. – Вот хотя бы меня спросили бы – я бы много чего могла рассказать и про самого Леонтьева, и про его образ жизни, и про того загадочного незнакомца, который навел его в ночь убийства...

Сердце Тони пропустило один удар.

«Про того загадочного незнакомца», – сказала Людмила Михайловна. «Незнакомца», а не «незнакомку»!

Неужели Тоне можно, наконец, немного успокоиться? Нет, серьезно. Судя по тому, что в аэропорту ее встречали Виталик с Катькой, а не суровоглазые полицейские, о ее причастности к делу до сих пор никто не подозревал. Но она не могла больше оставаться в полном неведении! Сегодня, отведя Катку в садик, не пошла на работу, сказавшись больной (будь благословенна перемена климата!), а просмотрела в Интернете все новости двухнедельной давности. Некролог Леонтьеву, несколько заметок со стандартными заголовками «Таинственное убийство бизнесмена»... Ничего конкретного в них Тоня не нашла. Это явное заказное убийство, но кто заказал Леонтьева? И неужели стрелявший не знал, что Леонтьев в квартире не один? Почему он не тронул Тоню – почти свидетельницу? Неужели так-таки удалось сохранить в полной тайне ее приход к нему? Но в «Пикассо», завсегда-таем которого, похоже, Леонтьев был, кто-нибудь мог обратить внимание, что они уходили вместе! Охрана, к примеру,

или...

Бог ты мой! В тот вечер в «Пикассо» было выступление шоу-балета «Безумное танго», в котором танцевал Сергей и его товарищи по студии, которых Тоня практически не знала: Петр и Женья. Эти двое ее вряд ли замечали, не вспомнили бы, столкнувшись даже лбами, но с Сергеем-то они вдоволь наигрались в переглядки на занятиях, насмотрелись друг на дружку! Он-то наверняка узнал Тоню, танцующую в пылких объятиях человека, об убийстве которого назавтра сообщили газеты!

Впрочем, кто-то говорил, что Сергей вообще ничего не читает. Ни-че-го! И не надо, зачем ему голову забивать, он и так красавец! Но уж телевизор-то наверняка смотрят даже самые отъявленные красавцы. Вопрос: говорили о Леонтьеве что-нибудь по телевизору? Обратил ли на это внимание Сергей?

А может быть, и здесь бояться нечего? Тоня находилась в темном зале, а Сергей – на освещенной сцене, и видно было, что, когда он танцует, остального мира для него просто не существует. Даже сейчас Тоня не могла не восхититься при воспоминании о его безупречных движениях. Он был одет во все черное, и казалось, черный расплавленный металл льется, льется, переливается, меняя форму... Фантастика какая-то. Его напарников рядом с ним просто не видно.

Ч-черт, Антонина, о чем ты только думаешь?! Этот маль-

чишка просто создан, чтобы из-за него сходили с ума даже самые разумные женщины!

Она силком вернула себя в реальность и вслушалась в приветливую болтовню Людмилы Михайловны:

– Им я ничего не рассказала, я вам расскажу с удовольствием. Только не здесь, не на улице, а у меня дома, хорошо? Во-первых, надо же мне вызывать аварийную, не то весь двор скоро затопит этой гадостью. Я быстренько позвоню, а потом мы с вами поговорим, посплетничаем. Я живу одна, никто не помешает. А кстати, Юлечка, у вас как – услуги добровольных помощников, ну, тех, кто вам какую-нибудь важную и интересную информацию дает, они как-то оплачиваются? Понимаете, мне кажется, что я об этом деле с Леонтьевым знаю больше, чем кто-то другой, а много не прошу, так, небольшую прибавку к пенсии...

Она смущенно и очень интеллигентно хихикнула, а Тоня мысленно обшарила свой кошелек, изрядно облегченный поездкой за рубеж. А щедрость Виталика, это она знает по опыту прежних лет, вряд ли продлится долго. Скоро придет черный день... Ну разве что какую-нибудь полсотни дать Людмиле Михайловне. Или этого мало? Ладно, сотню, но ни пенсом больше! И то в зависимости от ценности сведений!

Они вошли в подъезд и поднялись на лифте, черные, без номеров, обожженные кнопки которого вызвали у Тони внезапный приступ тошноты.

– Шестой этаж, нам выходить.

«Извини, но придется немножко пройти пешком. Лифт у нас какой-то увечный, только до шестого поднимается, а я живу на седьмом. Переживем как-нибудь?»

Людмила Михайловна втиснула палец в кнопку звонка.

За дверью послышались шаги, потом блеснул свет в глазке, потом щелкнул замолк – один, другой. Дверь начала приоткрываться, и только тут Тоня спохватилась: ведь Людмила Михайловна говорила, что живет одна. Откуда тогда взялся этот мужчина, застывший на пороге с удивленным выражением лица, которое почему-то кажется Тоне знакомым?!

Но понять что-то она не успела. Людмила Михайловна с неожиданной силой толкнула Тоню так, что она влетела в квартиру, едва не сбив этого мужчину. Вообще говоря, они оба пролетели по коридору и врезались в стенку, сметенные, словно могучим ураганом, мощными децибелами хозяйки:

– Федор! Держи ее, а я звоню в полицию! Это она, та самая, которая была в ночь убийства в квартире Леонтьева! Ее полиция ищет, а она вот, притадилась! Правду говорят, что преступника всегда тянет на место преступления! Ловко я ее заманила! Да крепче, крепче держи ее!

Куда крепче! Этот Федор стискивал Тоню с такой силой, словно решил всю жизнь с ней не расставаться! Как она ни билась, как ни извивалась, все, что могла, это упереть ему в грудь руки и, чуть отстранившись, с ненавистью поглядеть в лицо.

О боже мой! Не зря оно показалось знакомым! Это же

тот самый загадочный светловолосый человек из аэропорта
Шарль де Голль!

Говорят, мир тесен. Но Тоня даже и представить себе не могла, что он так отвратительно тесен!

Россия, Нижний Новгород, наши дни

– Ни-на! Ни-на!

Невысокий полноватый человек с крашеными волосами, очень похожий на переодетую женщину, стоял на авансцене и пел в микрофон:

– Ни-на! Ни-на!

– Это он? – трепетно выдохнула Майя, вцепляясь одной рукой в Сережину ладонь, а другой – в ладонь какого-то хующего парня с заморенным лицом.

Кажется, он был художник-декоратор, а может, простой рабочий сцены, судя по азарту, с каким только что громоздил причудливые декорации. Все вокруг называли его Лешим.

– Неужели это он, тот самый Мисюк?! Мать Божия, я его совсем другим представляла. Говорят, он матерится как сапожник и вообще жуткий похабник.

– У нас в театре есть сапожник, – усмехнулся Леший. – Мы вместе лет пятнадцать работаем, я ни разу не слышал, чтоб он матерился. А этот... – Он отчаянно покрутил головой. – У меня, у мужика, уши вянут. Сейчас еще ладно, он чего-то добился от актеров, что-то начало получаться, он

так-сяк доволен, а на первых репетициях такими словечками их называл, я умираю. Вон того парня, – Леший показал на худенького актера, зачем-то забравшегося на самую вершину сложного модуля-пирамиды и притулившегося там, словно воробышек на шатком насесте, – только вчера обозвал сперматозоидом. Можете это себе представить?!

Майя и Сергей дружно уставились на парня. Оба слабо представляли себе, как именно должен выглядеть сперматозоид, но было в этом слове что-то хилое, вихляющееся, как и в тощей, худосочной фигуре актера. Может, Мисюк все-таки прав?

– Я что хочу сказать, – осторожно начал Леший, который почему-то сразу взял шефство над новенькими (может, по природной доброте, а может, потому, что ни в какую не мог оторвать глаз от Майиных убийственных ног), – если этот дядька начнет матюгаться, вы просто не слушайте, не обижайтесь. Ну, у него эта матерщина как... как вода из крана капает, понимаете? Вы же не будете обижаться на кран, если из него капает?

– Постараемся. – Майя признательно улыбнулась. – А чего это он поет: ни-на, ни-на? Микрофон проверяет?

– Да нет, помрежа нашего зовут Нина Евгеньевна, это он ее призывает. Репетиция назначена на десять, он пришел точно, а видите, актеры еще не все, и Нины нет.

– Господи, я вообще не понимаю, как можно опаздывать на репетицию к такому человеку! – прошептала Майя, кото-

рая была жутко пунктуальна.

– А где он живет, в какой гостинице? – спросил Сергей, исподтишка разглядывая массивную золотую цепь, которая лежала на полной груди знаменитого режиссера, обтянутой тесноватой водолазкой, и еще больше делала его похожим на женщину.

– Ему театр квартиру снял на Верхне-Волжской набережной, машина его обслуживает. У него расписание железное, себя на работе не жалеет, вкалывает как зверь, не то что наши лоботрясы, – пробормотал Леший, придирчиво оглядывая сцену. – Черти, куда задевали подсвечники? Все, ребята, я с вами прощаюсь, пойду искать реквизит. А то еще и мне нагорит от великого человека!

Между тем сцена наполнялась людьми. Все были одеты абы как, но довольно тепло (в театре, такое впечатление, еще не начинали топить), и Сергей чувствовал, как дрожит Майя в своем концертном, очень красивом, но очень легком платье. Да и его самого уже ощутимо познабливало.

Наконец появилась и «Ни-на», оказавшаяся пухленькой старушкой с кипой разрозненных бумаг в руках. Она усеялась за низенький столик в углу сцены, включила настольную лампу и принялась разбирать листочки. Мисюк смотрел на нее с видом терпеливого мученичества.

– Гоним ту сцену, что недоработали вчера, – сказал он, когда помреж наконец-то перестала шелестеть бумагой. – Где у меня Шариков?

Худенький «сперматозоид», сидевший на макушке пирамиды, помахал рукой.

– Отлично. Азazelка где? Гелла, Бегемот? Коровьев, Мастер и Борменталь?

Поочередно махали руками, обращая на себя внимание, затерявшиеся среди небрежно разбросанного реквизита актеры, изображавшие названных героев. Насколько знали Майя и Сергей, ставили какой-то капустник по «Мастеру и Маргарите» в совокупности с «Собачьим сердцем». Малевич, пока вел их сюда, уверял, что после этой постановки театральный Нижний наконец-то укажет театральной Москве: ее место в буфете!

Впрочем, пока ничего феерического на сцене не происходило. Мисюк довольно миролюбиво выкрикивал:

– Азazelка, пошел! Гелла, пошла! Выдерживайте темп, слушайте музыку! Вокруг себя крутись – сме-е-ло! Молчать-стоять!

Проходы, выходы, пробежки повторялись по многу раз, Мисюк не ляпнул еще ничего неприличного, все это начинало напоминать урок в студии бального танца, и Сергей постепенно заскучал. Режиссер почему-то не обращал на танцоров никакого внимания, но только что Сергей подумал, а не перепутал ли что-нибудь Малевич, как небольшие темно-карие глаза, очень похожие на бусинки, воткнутое в непропеченное тесто, уставились на пару в ярких концертных одеяниях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.